

Влад Генделев

Следователь
царской канцелярии
ДМИТРИЙ СОБОЛЕВ

ЧЕРТ В ТАБАКЕРКЕ

ДЕЛО №
о смерти
М. С. Коренева
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

Влад Генделев

**Следователь царской
канцелярии Дмитрий
Соболев. Черт в табакерке.**

«Автор»

2026

Генделев В.

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев. Черт в табакерке. / В. Генделев — «Автор», 2026

Санкт-Петербург. В мастерской известного часового мастера Матвея Коренева находят его тело. На рабочем столе — старинная серебряная табакерка, из которой при открытии выскакивает механический чёртик. Кажется, именно в ней скрыта разгадка убийства. Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев шаг за шагом восстанавливает последние часы жизни мастера. Семейная ссора, странные звуки за стеной, исчезнувшая деталь механизма, пожар и человек, скрывший свой ночной визит, постепенно складываются в убедительную картину. Слишком убедительную. Когда подозреваемый признаётся в ударе, дело кажется раскрытым. Но Соболев замечает то, что меняет всё: Коренева ударили дважды. Настоящий убийца всё это время находился рядом — настолько привычный и незаметный, что никто не подумал взглянуть в его сторону. «Чёрт в табакерке» — классический детектив о том, как опасно принять красивую версию за правду и как неожиданно может проявиться тёмная сторона самого обычного человека.

© Генделев В., 2026

© Автор, 2026

Влад Генделев

Следователь царской канцелярии

Дмитрий Соболев. Черт в табакерке.

«ЧЁРТ В ТАБАКЕРКЕ»

ПРОЛОГ

«Иногда самая опасная вещь лежит перед глазами именно потому, что никто не считает нужным на неё смотреть».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Снег начался после шести.

Сначала редкий, почти невидимый в сумерках, он медленно кружил над Васильевским островом, исчезая на мокрой мостовой, но к восьми часам сделался гуще. Крыши домов побелели, фонари окутались мутными золотистыми ореолами, а прохожие стали быстрее сворачивать с Большого проспекта в боковые улицы, пряча лица от ветра.

В мастерской Матвея Савельевича Коренева было тепло.

Печь топили с самого утра, и теперь от чугунной дверцы шёл ровный сухой жар. Пахло углём, машинным маслом, металлом и чуть-чуть — старым деревом. Этот запах держался здесь годами, вьёвшись в стены, половицы и тяжёлые шкафы с многочисленными ящичками.

Матвей Савельевич сидел за рабочим столом возле окна.

Лампа под зелёным абажуром освещала только небольшой круг перед ним. Всё остальное тонуло в мягком полумраке: шкафы, инструменты на стене, высокий часовой корпус без циферблата, маленькая бронзовая птица с раскрытыми крыльями, несколько музыкальных шкатулок и деревянный конь, которому ещё предстояло вернуть сломанную ногу.

Коренев снял очки и протёр их краем фартука.

Потом снова посмотрел на лежавшую перед ним серебряную табакерку.

Она ему не нравилась.

Причём он сам не мог бы толком объяснить почему.

За сорок лет через его руки прошли тысячи вещей. Красивых, безобразных, дорогих и почти ничего не стоивших. Бывали вещи, пережившие нескольких владельцев и сохранившие следы чужих пальцев, царапины, вмятины, потемневшее серебро. Бывали безупречные вещи, которые Коренев не любил именно за их безупречность.

Но эта была другой.

Небольшая серебряная коробочка с округлёнными углами. На крышке — пасторальная сцена: дерево, ручей, две крошечные человеческие фигуры возле моста. Если не присматриваться, ничего особенного.

Коренев присмотрелся. Провёл ногтем по краю крышки. Повернул табакерку. Потом взял лупу.

За дверью слышались шаги.

— Матвей Савельевич?

Коренев не ответил.

Дверь осторожно приоткрылась.

— Чай оставить?

— Оставьте.

На край соседнего стола поставили стакан в подстаканнике.

— Остынет ведь.

— Значит, выпью холодный.

— Холодный чай — это уже не чай.

Коренев наконец поднял голову.

— Фёдор Карпович, вы собираетесь сегодня домой?

Синицын стоял в дверях конторки, застёгивая старенький сюртук. Ему было под шестьдесят; маленькие круглые очки сидели низко на носу, седые волосы были аккуратно зачёсаны назад.

— Собираюсь. Только сначала проверю книги за сегодня.

— Завтра проверите.

— Завтра будут завтрашние.

— Вот поэтому у вас никогда не заканчивается работа.

Синицын улыбнулся.

— А у вас?

Матвей Савельевич посмотрел на табакерку.

— У меня сегодня закончится.

— Это хорошо или плохо?

— Завтра узнаем.

Синицын уже хотел уйти, но задержался.

— Вам ещё что-нибудь понадобится?

— Нет.

— Печь не забудьте закрыть.

— Сорок лет не забывал.

— Именно поэтому напоминаю. Человек обычно делает глупость на сорок первый год.

Коренев усмехнулся.

— Идите домой.

— Иду.

Дверь закрылась.

Матвей Савельевич снова надел очки.

Некоторое время он сидел неподвижно.

Потом осторожно нажал ногтем маленькую кнопку на боковой стенке табакерки.

Щёлкнула пружина.

Крышка отскочила.

Изнутри резко поднялась маленькая фигурка.

Чёртик.

Чёрное туловище, короткие рога, красный язык, тонкие металлические лапы. Фигурка качнулась на пружине и замерла, будто насмешливо рассматривая мастера.

Коренев поморщился.

— Ну и мерзость.

Он осторожно прижал фигурку пальцем, но закрывать крышку не стал.

Взял пинцет.

Затем тонкую отвёртку.

Снова посмотрел через лупу.

Часы на стене пробили восемь.

Из конторки донёсся шелест бумаги, потом скрип выдвигаемого ящика.

Через несколько минут входная дверь открылась.

— До завтра, Матвей Савельевич!

— До завтра.

— Не сидите до полуночи.

— Постараюсь пережить ваше отсутствие.

Синицын что-то добродушно пробормотал, но Коренев уже не слушал.

Хлопнула наружная дверь.

Мастерская стала совсем тихой.

Только тикали часы.

Их здесь было много, и каждый механизм жил собственной жизнью. Одни шли быстро, другие медленно. Одни отбивали четверти часа, другие молчали неделями, ожидая ремонта. Коренев давно привык к этому разноголосому тиканью и почти его не замечал.

Сегодня замечал.

Он отодвинул табакерку.

Поднялся.

Подошёл к шкафу, достал толстую книгу в потёртом зелёном переплёте и принёс к столу.

Полистал.

Остановился на одной странице.

Потом на другой.

Снял очки.

Вернулся к первой.

Цифры не изменились.

— Так...

Он произнёс это очень тихо.

Перевернул ещё несколько страниц.

Теперь Коренев смотрел уже не на табакерку.

Чай рядом давно перестал дымиться.

За окном снег забелил мостовую. По улице проехали сани. Звук копыт быстро исчез.

Матвей Савельевич взял карандаш и что-то написал на полях.

Потом открыл ящик стола, вынул несколько квитанций и положил рядом.

Сравнил.

Его лицо постепенно менялось.

Не испуг.

Скорее усталое понимание человека, который долго не хотел замечать очевидного и наконец лишился такой возможности.

Он откинулся на спинку стула.

Посмотрел на открытую табакерку.

Чёртик продолжал торчать из неё.

— Значит, вот как.

Коренев поднялся и прошёлся по мастерской.

Остановился у печи.

Вернулся.

Ещё раз просмотрел записи.

После этого закрыл книгу.

Положил ладонь сверху.

Некоторое время сидел так.

Потом услышал стук.

Не в наружную дверь.

В дверь мастерской.

Матвей Савельевич поднял голову.

— Входите.

Дверь открылась.

Человек вошёл.

Коренев посмотрел на него без удивления.
— А я как раз хотел с вами поговорить.
Ответа не последовало.
— Садитесь.
Посетитель остался стоять.
Матвей Савельевич вздохнул.
— Как хотите.
Он подвинул зелёную книгу к краю стола.
— Завтра утром я отнесу это поверенному.
Человек напротив наконец заговорил.
— Зачем?
— Вы ещё спрашиваете?
— Я спрашиваю зачем.
Коренев снял очки.
— Потому что дальше так продолжаться не может.
— Можно всё объяснить.
— Можно. Именно поэтому я сейчас вас слушаю.
Молчание.
За стеной негромко щёлкнул механизм.
Коренев посмотрел туда машинально.
На небольшом верстаке работало устройство для проверки тонких металлических пластин. Маленький молоточек равномерно ударял по закреплённой детали.
Тук.
Пауза.
Тук.
Пауза.
Тук.
Коренев снова повернулся к посетителю.
— Я не собираюсь кричать. Не собираюсь устраивать скандал. Мне это вообще никогда не нравилось.
— Тогда зачем поверенный?
— Потому что существуют вещи, которые нельзя решить разговором.
— Вы всегда так считали?
Коренев нахмурился.
— Что вы хотите сказать?
— Ничего.
— Нет уж. Сказали — продолжайте.
Человек молчал.
Коренев устало провёл ладонью по лицу.
— Я слишком стар для таких разговоров. Завтра всё будет сделано как положено. Сегодня можете идти.
— И всё?
— А чего вы ожидали?
Ответа снова не последовало.
Матвей Савельевич потянулся к табакерке.
— Вот посмотрите.
Он развернул её.
Чёртик качнулся на пружине.
— Забавная вещь, правда?

— Не понимаю.

— Я тоже сначала не понимал.

Коренев взял табакерку двумя пальцами.

— Людям почему-то всегда хочется смотреть сюда.

Он коснулся фигурки.

— На чёрта.

Посетитель не двигался.

— А надо смотреть совсем в другое место.

Коренев положил табакерку обратно.

— Впрочем, теперь это уже неважно.

За окном проехал ещё один экипаж.

Коренев поднялся.

— На сегодня достаточно.

Он сделал шаг от стола.

И только теперь увидел выражение лица человека напротив.

Остановился.

— Что вы...

Договорить не успел.

Первый удар пришёлся сбоку. Не очень сильный.

Коренев пошатнулся, ударился бедром о край стола и схватился рукой за скатерть.

Серебряная табакерка сдвинулась. Чёртик задрожал на пружине. Коренев попытался выпрямиться.

Второй удар оказался сильнее. Лампа качнулась. Тень метнулась по стене.

Матвей Савельевич упал возле рабочего кресла.

Несколько секунд в мастерской ничего не происходило. Только слегка постукивая продолжал работать маленький механизм.

Человек постоял над телом. Потом медленно положил бронзовый молоток на стол.

Руки его дрожали.

Он посмотрел на Коренева. Наклонился. Коснулся шеи и быстро отдернул руку.

— Матвей Савельевич...

Никакого ответа. Человек выпрямился.

Несколько мгновений он просто стоял, словно всё ещё можно было вернуть назад: слова, зелёную книгу, первый удар, второй.

Нельзя...

На столе лежала открытая табакерка. Чёртик смотрел вверх. Человек заметил её. И замер.

За стеной механизм продолжал размеренно отстукивать время.

Взгляд переместился с табакерки на зелёную книгу. Потом обратно.

Человек вдруг перестал дрожать. Появилась мысль. Пока ещё не план. Только мысль.

Но иногда этого достаточно. Он взял книгу. Потом несколько квитанций. Осмотрел комнату. Вернул молоток почти на то место, где тот обычно лежал.

Остановился возле табакерки. Протянул к ней руку. Не закрыл. Наоборот, немного повернул, чтобы фигурку было хорошо видно от двери. После этого погасил лампу.

Механизм всё ещё продолжал работать. Человек прислушался. И вышел.

Снег уже почти скрыл следы на тротуаре.

Через несколько минут в мастерской щёлкнула пружина испытательного устройства.

Молоточек остановился.

Наступила тишина.

В темноте продолжали идти только часы.

Одни спешили.

Другие отставали.

Одни показывали половину девятого.

Другие — без четверти девять.

А на рабочем столе, куда уже не попадал свет уличного фонаря, оставалась открытая серебряная табакерка.

Из неё торчал маленький чёрт.

Утром все посмотрят именно на него.

И именно поэтому никто не заметит человека, который всё это время находился рядом.

Глава I. Мастерская Коренева

Утро в Петербурге выдалось ясным и морозным. Ночью выпал свежий снег, и город на несколько часов приобрёл ту редкую чистоту, которую неизбежно терял к полудню под колёсами экипажей, полозьями саней и тысячами сапог.

Дмитрий Петрович Соболев завтракал у окна.

На столе стояли кофейник, тарелка с двумя яйцами, хлеб, масло и небольшая баночка вишнёвого варенья, которую Алексей Степанович почему-то выставлял каждое утро, хотя Соболев почти никогда её не открывал.

Сегодня он открыл.

Алексей Степанович, появившийся в дверях с газетой, заметил это сразу.

— Вот теперь я действительно начинаю беспокоиться, Дмитрий Петрович. За четыре года вы добровольно взяли варенье второй раз. В первый раз это было после того, как доктор запретил вам сладкое.

— Именно поэтому оно тогда показалось особенно вкусным.

— А сегодня доктор ничего не запрещал.

— Значит, положение ещё серьёзнее.

Алексей Степанович положил газету рядом с чашкой.

— Я всегда говорил, что рано или поздно размеренная жизнь вас испортит.

Соболев намазал варенье на хлеб и посмотрел в окно. Во дворе дворник расчищал снег, сердито отбрасывая его к стене дома. Через несколько минут тот же снег предстояло перекладывать уже другому дворнику с соседнего участка.

— Размеренная жизнь, Алексей Степанович, существует только у людей, которых мы плохо знаем.

— У меня существует.

— Вы вчера полчаса ругались с торговцем из-за цены на картофель.

— Это хозяйственный вопрос. Он к жизни отношения не имеет.

Соболев улыбнулся.

В прихожей позвонили.

Алексей Степанович недовольно посмотрел на часы.

— Без четверти девять. Порядочные люди в это время либо завтракают, либо уже работают. В гости не ходят.

— Возможно, человек как раз работает.

Через минуту он вернулся с небольшим служебным конвертом.

— Из Канцелярии.

Соболев отложил хлеб.

Записка была короткой.

«Дмитрий Петрович. Прошу немедленно прибыть. Убит Матвей Савельевич Коренев. Мастерская опечатана. Местная полиция уведомлена, но до нашего решения дело не принимает. Б.»

Соболев перечитал записку.

— Что-нибудь серьёзное? — спросил Алексей Степанович.

— Убили человека.

Тот перестал поправлять скатерть.

— Знакомого?

— Немного.

Матвея Савельевича Коренева Соболев действительно знал.

Не близко. Они никогда не бывали друг у друга в гостях и не разговаривали о жизни. Но Коренев несколько раз выполнял работу для Канцелярии — такую, которую нельзя было отдать первому хорошему мастеру.

Он проверял сложные замки, ремонтировал секретные механизмы, однажды восстанавливал повреждённый шифровальный ящик, в другой раз определял, каким способом был открыт сейф, на котором не осталось следов взлома.

Коренев не был чиновником и тем более агентом.

Он был мастером.

Но мастером, которому иногда показывали вещи, не предназначенные для посторонних глаз.

Соболев встал.

— Обедать будете? — спросил Алексей Степанович.

— Постараюсь.

— Значит, нет.

— Почему?

— Когда вы говорите «постараюсь», это означает, что вернётесь вечером голодный и будете уверять, будто совершенно забыли о еде.

— Неправда.

— Конечно. Вы не забываете. Вы просто не вспоминаете.

Соболев надел сюртук.

— Постараюсь вспомнить.

— Вот теперь я окончательно уверен, что обеда не будет.

Управляющий Канцелярией князь Барятинский ждал его у себя.

На столе лежали две папки и утренняя почта, но Барятинский к бумагам не прикасался.

— Коренева нашли сегодня утром, — сказал он после приветствия. — Убит в собственной мастерской. Сторож вызвал городского, тот поднял участок. Когда установили имя покойного, сообщили нам.

— Почему дело сразу придержали?

— Коренев числился среди доверенных технических мастеров. За последние годы он несколько раз выполнял закрытые поручения для нас и дворцового управления.

— Последнее когда?

— Насколько помню, летом.

— Значит, несколько месяцев назад.

— Именно. Поэтому я надеюсь, что никакой связи нет. Но надеяться и знать — разные вещи.

Соболев сел напротив.

— Что именно он делал летом?

— Проверял два сейфовых замка и ремонтировал механическую кассету для документов. Ничего чрезвычайного. Всё давно возвращено владельцам.

— Другие закрытые заказы могли оставаться у него в мастерской?

— По нашим сведениям, нет. Но вы сами понимаете: пока не осмотрим помещение и бумаги, передавать дело обычной полиции я не хочу.

Причина была достаточной.

Не государственная тайна, не заговор и не неизвестная организация.

Обычная служебная осторожность.

Если Коренева убили из-за денег, ревности или ссоры, дело можно было спокойно расследовать как обычное убийство. Но сначала следовало убедиться, что вместе с мастером не исчезло что-нибудь гораздо более неприятное.

— Кто там сейчас?

— Участковый пристав, врач и ваш Лебедев. Я отправил его раньше, чтобы никто не скучал.

— Кто именно?

Брятинский едва заметно улыбнулся.

— Все.

Мастерская Коренева находилась в старом трёхэтажном доме. Нижний этаж занимали лавки, выше располагались квартиры. Над входом висела скромная вывеска:

«М. С. КОРЕНЕВ. ЧАСОВЫЕ И МЕХАНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ».

Лебедев ждал возле двери.

— Доброе утро, Дмитрий Петрович.

— Судя по вашему лицу, не особенно.

— Я приехал сорок минут назад. Участковый пристав успел дважды объяснить мне, как следует расследовать убийства, а доктор Корсаков один раз объяснил приставу, почему тот ничего не понимает в трупах. Я решил не вмешиваться.

— Очень разумно.

— Мне тоже так показалось. Особенно после того, как они начали спорить друг с другом. Они вошли.

Первая комната была конторкой. За высоким столом обычно принимали заказы, на стене висели часы, вдоль полок стояли книги и коробки.

За конторкой сидел пожилой человек с аккуратно подстриженной седой бородой. Он поднялся при появлении Соболева.

— Фёдор Карпович Синицын, — представил его Лебедев. — Старший приказчик. Работал у Коренева двадцать два года.

— Дмитрий Петрович Соболев.

— Я знаю, — тихо ответил Синицын. — Матвей Савельевич вас поминал.

— Надеюсь, не слишком плохо.

На лице Синицына на мгновение появилась слабая улыбка.

— Он вообще редко говорил о людях плохо. Обычно говорил, что человек просто не умеет делать то, за что взялся. Для Матвея Савельевича это было хуже любого ругательства.

— Похоже на него.

Соболев снял перчатки.

— Вы нашли тело?

— Нет. Я пришёл позже. Первым был мальчик, который убирает мастерскую по утрам. Он прибежал ко мне домой, я живу недалеко. Когда я пришёл, Матвей Савельевич уже лежал там.

Синицын показал на внутреннюю дверь.

— Ничего не трогали?

— Только подошёл, чтобы понять, можно ли помочь. Потом увидел кровь и больше ни к чему не прикасался. Велел мальчику бежать за городовым.

— Хорошо. Мы ещё поговорим, Фёдор Карпович. Не пытайтесь пока вспоминать всё сразу. Мне будет проще спрашивать по порядку.

— Я никуда не уйду.

— И не нужно.

Соболев прошёл во внутреннюю комнату.

Мастерская была больше конторки. Два окна выходили во двор. У стен стояли шкафы с инструментами и деталями, посередине — два рабочих стола. На одном лежал разобранный часовой механизм, на другом — бумаги, лупа, несколько отвёрток и маленькая серебряная табакерка.

Коренев лежал возле собственного стола.

Соболев остановился у двери.

Несколько секунд он просто смотрел. Не на тело. На комнату.

Стул отодвинут, но не опрокинут.

Бумаги на столе лежат довольно аккуратно.

Лампа на месте.

Шкафы закрыты.

На полу нет следов долгой борьбы.

Возле тела — тёмное пятно крови.

Корсаков стоял у окна.

— Наконец-то, Дмитрий Петрович. Ещё немного, и пристав начал бы расследовать причину смерти самостоятельно.

— И что бы он установил?

— Что покойный умер.

— Ценное наблюдение.

— Именно поэтому я его остановил.

Корсаков показал на тело.

— Мужчина шестидесяти одного года. Один сильный удар по голове. Вероятное орудие лежало здесь же.

На отдельном листе бумаги находился небольшой бронзовый молоток.

— Рабочий?

— Судя по всему.

Соболев присел рядом с телом, не касаясь его.

— Защищался?

— Явных следов борьбы пока не вижу. На руках повреждений нет. Одежда не разорвана. Более точно скажу после осмотра.

— Время?

Корсаков посмотрел на него с выражением человека, которому задали заранее неприятный вопрос.

— Если вы хотите услышать минуту, лучше спросите у часов на стене. Они в этом отношении значительно смелее меня. Предварительно — вчера вечером, вероятнее всего между семью и восемью.

— Этого достаточно.

— Пока достаточно. Потом вы обязательно придёте и потребуете семь двадцать три.

— Семь двадцать четыре.

Корсаков вздохнул.

— Вот видите.

Соболев поднялся.

Теперь он посмотрел на стол.

Серебряная табакерка лежала возле лампы. Крышка была открыта.

Внутри, на крошечной металлической площадке, стояла фигурка.

Небольшой чёртик с тонкими рожками, согнутыми ногами и насмешливо поднятой рукой.

Лебедев подошёл ближе.

— Вот из-за этого участковый пристав уже успел назвать дело странным.

— Из-за фигурки?

— Из-за того, что она выскакивает.

— Кто сказал?

— Синицын. Это механическая табакерка.

Соболев наклонился, но трогать её не стал.

— Механизм проверяли?

— Нет. Ждали вас.

— Правильно.

Корсаков фыркнул.

— Наконец-то хоть кто-нибудь сегодня получил похвалу.

Соболев посмотрел на табакерку.

Она была красивой, хотя несколько тяжеловатой. Серебряный корпус украшал растительный орнамент. На внутренней стороне крышки виднелась потёртая гравировка.

— Это принадлежало Кореневу?

Лебедев покачал головой.

— Похоже, заказ. В журнале есть запись.

Он принёс из конторки книгу и положил её на свободный край стола.

— Три дня назад. «Табакерка серебряная, механическая. Осмотр, исправление механизма». Имя заказчика здесь не указано.

— Почему?

— Синицын говорит, некоторые старые клиенты оставляли вещи без полного оформления. Коренев их знал.

Соболев перелистнул страницу.

— Значит, выясним, кто принёс.

Он снова посмотрел на тело.

— Карманы?

— Бумажник на месте, — ответил Лебедев. — Деньги тоже. Часы при нём. Ключи нашли в кармане жилета.

— Из мастерской что-нибудь пропало?

— Пока никто не знает.

— Вот это нужно установить прежде всего.

Соболев прошёл вдоль шкафов.

На первый взгляд комната не производила впечатления места, где искали что-либо ценное. Ящики не выдвинуты, бумаги не разбросаны, замки целы.

Если убийца пришёл за вещью, он либо точно знал, где она находится, либо вообще не стал её искать.

Соболев вернулся к столу.

— Кто последним видел Коренева живым?

Лебедев открыл записную книжку.

— Пока показания расходятся по времени, но круг небольшой. Вечером здесь были Ведрин, Расторгуев и сын Коренева — Илья Матвеевич. Синицын тоже оставался до конца рабочего дня.

— Тогда начнём не с подозреваемых, а с вечера.

Лебедев понял.

— По порядку?

— Именно. Кто пришёл первым, зачем, сколько пробыл и когда ушёл. Пока не нужно решать, кто из них убийца.

— А если кто-нибудь сразу покажется очень подходящим?

— Особенно тогда.

Они вернулись в конторку.

Синицын сидел на прежнем месте. Перед ним лежало несколько нераспечатанных писем, но к ним он не прикасался.

Соболев сел напротив.

— Фёдор Карпович, я хочу, чтобы вы рассказали о вчерашнем дне так, как рассказали бы о нём, если бы сегодня ничего не случилось. Не начинайте со смерти Матвея Савельевича и не пытайтесь искать в обычных вещах дурные знаки. Просто рабочий день.

Синицын посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Весь день?

— В общих чертах. Нас интересует вечер, но до него тоже нужно дойти.

Синицын задумался.

— Утро было обычное. Матвей Савельевич пришёл около девяти. Выпил чай, просмотрел заказы. Потом ругался на поставщика пружин — тот опять прислал не тот размер. До обеда работал над часами княгини Белозерской. После обеда пришёл Николай Осипович Ведрин.

— Он работал здесь?

— Не постоянно. У него своя небольшая мастерская, но некоторые сложные вещи он приносил Матвею Савельевичу на проверку. Они знали друг друга давно.

— Вчера они поссорились?

Синицын помедлил.

— Я бы не назвал это настоящей ссорой. Разговаривали громче обычного. Николай Осипович был раздражён, а Матвей Савельевич, наоборот, становился тем спокойнее, чем сильнее сердился собеседник. У него была такая неприятная привычка.

— Из-за чего спорили?

— Из-за переделки старой вещи. Кажется, как раз этой табакерки. Матвей Савельевич считал, что Николай Осипович слишком многое в ней заменил и теперь выдаёт новое за старое.

— Ведрин ушёл сердитым?

— Очень. Но он вообще человек горячий. Через час мог уже разговаривать так, будто ничего не произошло.

Соболев не стал развивать тему.

— Кто пришёл после него?

— Григорий Павлович Расторгуев. Торговец старинными вещами. Он пробыл недолго. Потом пришёл Илья Матвеевич.

При имени сына Синицын замолчал.

Соболев подождал.

— С ним тоже был неприятный разговор?

— Да. Но уже семейный. Я старался не слушать.

— Получалось?

Синицын чуть улыбнулся.

— В старом доме стены помогают любопытству даже тогда, когда человек против.

— О чём говорили?

— О деньгах. Илье Матвеевичу они были нужны, а отец не хотел давать сразу. Голоса повысили оба. Потом Илья ушёл.

— Насколько поздно?

— Было около половины восьмого, может немного раньше. Точнее не скажу, чтобы не придумать.

Соболев кивнул.

— Это правильно. Лучше приблизительное настоящее воспоминание, чем точная цифра, появившаяся сегодня.

Синицын продолжил:

— После Ильи всё стихло. Я закончил записи в конторке. Матвей Савельевич остался за своим столом. Когда уходил, заглянул к нему и спросил, не нужно ли чего-нибудь. Он сказал, что посидит ещё немного.

— Каким он вам показался после разговора с сыном?

Синицын задумался уже серьезнее.

— Уставшим. Не испуганным и не особенно сердитым. Скорее расстроенным. Он любил Илью, хотя разговаривать с ним спокойно умел редко.

— Вы ушли, оставив хозяина одного?

— Насколько я знал — да.

— Дверь заперли?

— Нет. Пока Матвей Савельевич был внутри, наружную дверь на ключ не закрывали. Он запирает её сам, когда уходит.

— Значит, после вас к нему мог прийти человек, которого он согласился принять.

— Мог. Но говорил ли он с кем-нибудь ещё, я не знаю.

Соболев немного помолчал.

— Хорошо. На сегодня с вас достаточно.

Синицын удивился.

— Вы больше ничего не спросите?

— Спрошу. Но позже. Если задавать человеку двадцать вопросов подряд, после пятнадцатого он начинает вспоминать не то, что видел, а то, что, по его мнению, хочет услышать следователь.

Синицын кивнул.

— Матвей Савельевич сказал бы примерно то же самое.

— Поэтому мы с ним иногда понимали друг друга.

Соболев поднялся.

У двери Лебедев тихо заметил:

— Получилось почти слишком спокойно.

— Вам не нравится?

— Наоборот. Просто обычно после убийства хочется немедленно найти что-нибудь ужасно подозрительное.

— Это проходит с возрастом.

— Мне долго ждать?

— Судя по вам — очень.

На улице мороз усилился.

Соболев остановился у крыльца и посмотрел на окна мастерской.

— Что думаете? — спросил Лебедев.

— Пока ничего.

— Совсем?

— Знаю только несколько простых вещей. Корнев вечером был жив. С ним разговаривали несколько человек. По крайней мере двое ушли сердитыми. Потом он остался один, а утром его нашли убитым собственным молотком.

— И табакерка.

— И табакерка.

— С чёртом.

Соболев посмотрел на помощника.

— Фигурка не становится важнее только потому, что у неё есть рога.

— А название для дела хорошее.

— Какое?

Лебедев улыбнулся.

— «Чёрт в табакерке».

Соболев уже собирался ответить, но передумал.

Они прошли несколько шагов.

— Дмитрий Петрович, а почему Коренев вообще работал с Канцелярией? — спросил Лебедев.

— Потому что был хорошим мастером.

— Настолько?

— Однажды нам принесли сейф, который открыли без повреждения замка. Три специалиста утверждали, что это невозможно. Коренев посмотрел на него минут десять, попросил чай и сказал, что невозможное обычно просто плохо осмотрено.

— И нашёл?

— Нашёл. На следующий день.

— Что?

— Человек снимал заднюю стенку.

Лебедев рассмеялся.

— И три специалиста не заметили?

— Они изучали замок.

— А Коренев?

— Сейф.

Лебедев некоторое время шёл молча.

— Кажется, я начинаю понимать, почему он вам нравился.

Соболев поправил перчатку.

— Не торопитесь. Он был очень неприятным человеком, когда считал себя правым.

— А вы?

Соболев посмотрел на него.

— Что я?

— Ничего. Просто подумал.

— Вот и продолжайте молча.

Они дошли до перекрёстка.

— Куда теперь? — спросил Лебедев.

Соболев посмотрел на часы.

Было почти двенадцать.

— Обедать.

Лебедев остановился.

— Простите?

— Я обещал дома постараться вспомнить об обеде.

— И вспомнили?

— Как видите.

— Сегодня определённо странный день.

Они зашли в небольшой трактир неподалёку.

Соболев заказал щи и гречневую кашу с мясом. Лебедев долго изучал меню, после чего заказал почти то же самое.

— Зачем тогда читали? — спросил Соболев.

— Хотел убедиться, что выбираю добровольно.

— Получилось?

— Нет. Вы заказали первым.

Соболев улыбнулся.

Несколько минут они ели молча.

За соседним столом два купца спорили о цене древесины. У окна пожилой чиновник аккуратно разрезал котлету на совершенно одинаковые кусочки. Официант ругался с кухней из-за пропавшей тарелки.

Обычная жизнь продолжалась.

И Соболев был этому рад.

Убийство не должно было заполнять собой весь день.

— А всё-таки, — сказал Лебедев, — кого проверяем первым?

Соболев отложил ложку.

— Всех по очереди.

— Я спрашиваю, кто вам сейчас кажется наиболее интересным.

— Ведрин.

— Из-за ссоры?

— Из-за понятного мотива. Если Коренев собирался сообщить торговцам о его переделках, Ведрин мог потерять имя и работу.

— Илья тоже поссорился с отцом из-за денег.

— Поэтому будет вторым.

— Расторгуев?

— Третьим.

— Синицын?

Соболев пожал плечами.

— Свидетель, который провёл в мастерской весь день. Его показания придётся проверять так же, как показания остальных. Но пока я не вижу причины делать из старого приказчика загадку.

Лебедев кивнул.

— Значит, завтра Ведрин.

— Сегодня.

— После обеда?

— Именно.

— А я уже надеялся на спокойный день.

— У вас был обед.

— Щедро.

Соболев взял хлеб.

— Не привыкайте.

В этот момент к их столу подошёл мальчишка-посыльный.

— Господин Соболев?

— Я.

Он протянул сложенную записку.

Соболев развернул её.

Сообщение было от человека, оставленного в мастерской.

Среди бумаг Коренева обнаружили имя владельца серебряной табакерки.

Соболев прочитал записку ещё раз и передал Лебедеву.

Тот пробежал глазами.

— Григорий Павлович Расторгуев.

— Да.

— Но он сам вчера был у Коренева.

— Именно.

— Значит, табакерка принадлежит ему?

— Не обязательно. В записи сказано только, что вещь поступила через него.

Лебедев вернул бумагу.

— Вы опять не даёте красивой версии прожить даже минуту.

— Она ещё не родилась.

— Жестоко.

Соболев допил чай.

За окном снова начинал падать снег.

Где-то неподалёку били часы.

Дело пока оставалось простым.

Убит мастер.

Вечером его посетили несколько знакомых людей.

Один спорил с ним из-за профессиональной репутации.

Другой — из-за денег.

Третий принёс странную старую вещь.

А утром рядом с телом Коренева нашли раскрытую серебряную табакерку, из которой смотрел маленький металлический чёрт.

Соболев не любил символов.

Символы слишком легко заставляли человека видеть смысл там, где его ещё не было.

Поэтому сейчас его интересовал не чёрт.

Его интересовали люди.

Потому что табакерка никого не убивала.

Глава II. Чужая работа

«Хороший мастер оставляет на вещи свой почерк. Плохой — тоже. Разница лишь в том, что второй обычно надеется, что его не заметят».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

После обеда Соболев и Лебедев отправились к Николаю Осиповичу Ведрину.

Мастерская часовщика находилась во дворе старого дома неподалёку от Сенной. Вывески над дверью не было — только небольшая медная пластинка с фамилией владельца. Внутри пахло машинным маслом, металлом и крепким табаком.

Ведрин оказался человеком лет сорока пяти, худым, с длинными пальцами и беспокойным лицом. Когда Соболев представился, часовщик не удивился.

— Я ждал, что вы придёте, — сказал он, снимая очки. — После того, что случилось с Матвеем Савельевичем, было бы странно, если бы полиция не захотела поговорить со мной.

— Не полиция, — заметил Лебедев.

Ведрин перевёл на него взгляд.

— Простите?

— Канцелярия.

Соболев снял перчатки.

— Алексей Николаевич очень дорожит точностью формулировок, когда речь идёт о чужих ошибках.

Лебедев улыбнулся.

— У каждого человека должны быть маленькие слабости.

— В вашем случае они постепенно перестают быть маленькими.

Ведрин впервые слегка улыбнулся.

— Проходите. Только предупреждаю: стульев у меня два, а один шатается.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Я моложе.

— Наконец-то вы нашли практическое применение этому обстоятельству.

Лебедев осторожно сел на шаткий стул.

Ведрин вернулся за рабочий стол.

— Спрашивайте, Дмитрий Петрович. Только если вы хотите услышать, что мы с Кореневым вчера поссорились, можете не тратить время. Поссорились.

— Именно поэтому я не стану начинать с этого. Расскажите лучше, как давно вы знали Матвея Савельевича.

Ведрин явно ожидал другого вопроса.

— Лет пятнадцать, наверное. Может, шестнадцать. Я тогда ещё работал у Громова на Литейном. Коренев однажды увидел часы, которые я восстановил, и сказал, что работа неплохая, если не знать, как она должна быть сделана.

Лебедев усмехнулся.

— Похоже на него.

— Я тогда едва не послал его к чёрту. Потом разобрал часы ещё раз и понял, что он был прав. Это раздражало сильнее всего.

— И после этого вы стали общаться?

— Не сразу. Но Коренев иногда приносил мне мелкие заказы, потом начал давать более сложные. Я многому у него научился, хотя учеником его никогда не был.

Соболев осмотрел мастерскую.

Здесь всё отличалось от мастерской Коренева. У того инструменты лежали почти по линейке. У Ведрина рабочий стол был завален шестерёнками, пружинами, отвёртками, коробками и бумажками с заметками. Однако беспорядок был только внешним: когда часовщику понадобился тонкий пинцет, он не глядя протянул руку и достал его из-под сложенной газеты.

— Вы считали Коренева другом?

Ведрин задумался.

— Сложный вопрос. Мы не ходили друг к другу по праздникам и не делились семейными тайнами. Но если у меня возникала работа, с которой я не мог справиться, я шёл к нему. А если ему требовались особенно тонкие детали, иногда обращался ко мне. Наверное, среди мастеров это тоже своего рода дружба.

— Поэтому вчерашняя ссора была для вас необычной?

— Нет. Мы спорили и раньше. Просто вчера всё зашло дальше.

Соболев не перебивал.

Ведрин сам продолжил:

— Из-за этой проклятой табакерки. Расторгуев принёс её мне недели три назад. Механизм был почти мёртвый. Пружина лопнула, несколько деталей отсутствовали, фигурка заедала. Он хотел, чтобы я восстановил работу.

— И вы восстановили.

— Да. Только старые детали уже невозможно было спасти, поэтому часть пришлось изготовить заново.

— Коренев счёл это неправильным?

Ведрин поморщился.

— Если бы только неправильным. Он заявил, что я превратил реставрацию в подделку.

— Почему?

— Потому что я сделал новые детали похожими на старые.

— Намеренно?

Ведрин посмотрел на Соболева.

— Конечно намеренно. Если вы восстанавливаете старую вещь, не станете же вставлять внутрь блестящую современную пружину и оставлять её такой.

— Но Коренев увидел в этом другое.

— Он считал, что новые детали должны быть отмечены. Чтобы любой мастер через десять или двадцать лет понимал, где старая работа, а где моя.

— А вы не отметили.

— Не отметил.

Лебедев устроился удобнее, и стул под ним жалобно скрипнул.

— Простите, Николай Осипович, я в часах понимаю примерно столько же, сколько этот стул в архитектуре. Если покупатель знает, что часть механизма новая, где здесь обман?

Ведрин посмотрел на него внимательнее.

— Если знает — нигде. Проблема начинается потом. Вещь продаётся ещё раз, затем ещё. Через десять лет никто уже не помнит, что я заменил половину механизма. А новый владелец считает всё старым.

— То есть Коренев боялся не того, что вы сейчас кого-то обманете, а того, что ваша работа позволит обмануть позже?

— Именно.

— Разумно.

Ведрин раздражённо вздохнул.

— Разумно. В этом и была проблема с Матвеем Савельевичем. Он часто бывал прав именно тогда, когда особенно хотелось, чтобы ошибался.

Соболев слегка улыбнулся.

— Вы всё-таки признаёте, что он был прав?

— В принципе — да. Но не в том, что сделал потом.

— А что он сделал?

Ведрин взял со стола папиросу, повертел её между пальцами, но закуривать не стал.

— Потребовал, чтобы я принёс ему список всех вещей, которые переделывал таким образом за последние годы.

— Для чего ему понадобился список?

— Он хотел проверить их и сообщить владельцам, где стоят новые детали. Представляете, что это означало бы для меня?

— Потерю клиентов.

— Не только. Потерю имени. В нашей работе репутация иногда дороже мастерской. Можно лишиться денег и заработать снова. Если по городу пойдёт разговор, что Ведрин делает старые вещи новыми, а потом выдаёт их за подлинные, ко мне перестанут приносить серьёзную работу.

— Но вы сами только что сказали, что не собирались никого обманывать.

— Я не собирался. Однако попробуйте объяснить это человеку, который заплатил несколько тысяч рублей за старинный механизм и вдруг узнаёт, что половину деталей изготовили три года назад.

Соболев некоторое время молчал.

Теперь мотив Ведрина становился понятнее.

Не деньги в прямом смысле.

Имя.

Для хорошего мастера иногда действительно более ценная собственность.

— Как закончился ваш разговор с Корневым?

Ведрин отвёл взгляд к окну.

— Плохо. Я сказал, что он не имеет права вмешиваться в мои дела. Он ответил, что имеет право говорить правду о вещи, если его спрашивают как мастера.

— Вы угрожали ему?

Ведрин снова посмотрел на Соболева.

— Если под угрозой понимать обещание ударить или убить — ничего подобного не было. Но я сказал, что если он начнёт ходить по торговцам и рассказывать о моей работе, то уничтожит человека, которого сам когда-то учил.

— И что ответил Коренев?

— Что учил меня чинить вещи, а не обманывать покупателей.

На этот раз Ведрин всё-таки закурил.

Несколько секунд он молчал.

— После этого я сказал ему одну неприятную вещь. Теперь жалею.

— Какую?

— Что он может позволить себе быть безупречно честным только потому, что уже заработал достаточно денег и имя. А людям вроде меня приходится выбирать между правильным и возможным.

— Он рассердился?

— Нет. Это было хуже. Матвей Савельевич посмотрел на меня и сказал: «Если человеку приходится выбирать между честным и выгодным, пусть хотя бы не называет выгодное правильным».

Лебедев тихо выдохнул.

— Неприятный был человек.

Ведрин посмотрел на него.

— Иногда ужасно.

— Но вы его уважали.

— Очень.

Соболев заметил, что последнее слово Ведрин произнёс без колебаний.

— После этого вы ушли?

— Через несколько минут. Мы уже не спорили. Просто говорить было не о чем.

— Примерно во сколько это произошло?

— Около семи. Точнее сейчас не скажу. Когда я вышел, на улице уже зажгли фонари, но лавки ещё были открыты.

— Куда направились?

— К Климову, в инструментальную лавку. Я заказал у него два резца и хотел забрать до закрытия.

— Он вас видел?

— Конечно. Мы ещё минут десять спорили о цене. Если потребуется подтвердить время, спросите у него.

— Потребуется, — спокойно сказал Соболев. — Не потому, что я уже считаю вас убийцей. Просто всё, что можно проверить, лучше проверить.

Ведрин кивнул.

— Я бы на вашем месте поступил так же.

— А потом?

— Домой. Живу здесь же, этажом выше. Ужинал с соседом, часовщиком Фроловым. Он пришёл около восьми и ушёл после десяти.

Соболев не стал продолжать перечисление времени.

— Вернёмся к табакерке. Почему после вашей работы она оказалась у Коренева?

— Расторгуев захотел получить заключение о возрасте вещи. Я предупредил, что Коренев сразу увидит новые детали, но Григорий Павлович решил, что речь идёт только о корпусе.

— То есть Коренев должен был подтвердить подлинность самой табакерки?

— Серебра, клейм, корпуса, старого механизма — того, что сохранилось. Он был одним из немногих мастеров, чьему заключению доверяли серьёзные коллекционеры.

— А фигурка чёрта старая?

Ведрин впервые за весь разговор улыбнулся почти искренне.

— Вот она как раз старая. И, между прочим, сделана прекрасно.

— Почему именно чёрт?

— Такие игрушки делали и раньше. Открываете крышку — пружина освобождается, фигурка поднимается. Ничего мистического.

— Лебедев будет разочарован.

— Я ещё надеялся на мистику, — признался помощник. — Пока всё дело состоит из пружин, денег и дурного характера.

— Большинство человеческих несчастий состоит примерно из того же, — сказал Соболев. — Только вместо пружин бывают другие мелочи.

Ведрин затушил папиросу.

— Дмитрий Петрович, можно спросить?

— Конечно.

— Почему вообще этим занимаетесь вы? Матвей Савельевич был мастером, а не мини-стром.

Вопрос был вполне естественным.

Соболев ответил спокойно:

— Коренев несколько раз выполнял закрытые технические поручения для Канцелярии. Пока мы не убедимся, что его смерть никак с ними не связана и из мастерской не исчезли доверенные ему материалы, дело останется у нас.

Ведрин нахмурился.

— Я знал, что он иногда работал для важных людей. Но не думал, что настолько.

— И не должны были. Он умел хранить чужие дела при себе.

— В этом тоже был Коренев.

Соболев поднялся.

— На сегодня достаточно. Но мне, вероятно, придётся поговорить с вами ещё раз.

— После вчерашнего я уже никуда не тороплюсь.

У двери Соболев остановился.

— Николай Осипович, подумайте до нашей следующей встречи ещё об одной вещи. Не о том, кто мог убить Коренева. Этим займёмся мы. Вспомните последние несколько минут вашего разговора: что лежало на столе, к чему он прикасался, вставал ли с места, открывал ли шкаф. Самые обычные детали.

Ведрин посмотрел на него с некоторым недоумением.

— Вы считаете, среди них может быть что-то важное?

— Не знаю. Но если я сейчас объясню, что именно ищу, завтра вы начнёте вспоминать то, что подходит к моему объяснению. Лучше вспомните вечер таким, каким он был.

На улице Лебедев достал записную книжку.

— Ведрин мне нравится.

— Как человек?

— Как подозреваемый.

— Это я понял.

— Мотив у него серьёзный. Коренев собирался уничтожить его репутацию, они поссорились, Ведрин ушёл сердитым. И всё это произошло незадолго до убийства.

— Хорошо изложено.

— Но вы сейчас скажете, что этого недостаточно.

— Разумеется.

Лебедев закрыл книжку.

— Иногда с вами трудно получать удовольствие от следствия.

— Попробуйте получать удовольствие от обеда. Для следствия это вообще необязательное чувство.

— Мы уже обедали.

— Тогда придётся терпеть.

Они отправились к инструментальной лавке Климова.

Хозяин оказался широкоплечим человеком с густыми усами и неожиданно тонким голосом. Ведрина он вспомнил сразу.

— Николай Осипович действительно заходил вчера вечером. Забирал два резца, которые я ему заказывал из Москвы. Мы ещё поспорили из-за цены, потому что он почему-то считает, что хороший инструмент должен стоить столько же, сколько плохой.

— А вы, видимо, придерживаетесь противоположного мнения, — заметил Лебедев.

Климов серьёзно кивнул.

— Я придерживаюсь мнения, что хороший инструмент должен приносить прибыль тому, кто его продаёт.

— Очень стройная философия.

— Двадцать лет работает.

Соболев спросил:

— В какое время пришёл Ведрин?

Климов задумался.

— Около семи. Может, чуть раньше. Я как раз собирался закрываться через полчаса.

— Долго он пробыл?

— Минут десять, не больше. Взял резцы, поругался со мной, заплатил и ушёл.

— Каким вам показался?

Климов пожал плечами.

— Злым. Но с Николаем Осиповичем трудно понять, сердится он на человека или на качество стали. В тот вечер, кажется, сердился на всё сразу.

— Он рассказывал о ссоре с Корневым?

— Сказал только, что старик окончательно решил стать совестью всего Петербурга. Я спросил, что случилось, а он ответил, что не хочет говорить.

— После этого куда ушёл, не знаете?

— Домой, наверное. Он живёт неподалёку.

На улице Лебедев сказал:

— Значит, первая часть его рассказа подтверждается.

— Да.

— И это хорошо для него.

— Пока да.

— Вы всё время добавляете «пока».

— Потому что следствие ещё не закончено.

— А когда закончится, вы перестанете?

Соболев задумался.

— Возможно.

Лебедев рассмеялся.

До Канцелярии они решили пройти пешком.

Снег усилился. На Невском уже зажигались фонари, витрины становились ярче, над улицей поднимался пар от лошадей.

Возле небольшого книжного магазина Соболев неожиданно остановился.

— Подождите.

— Что случилось?

— Ничего. Мне нужна книга.

Лебедев посмотрел на вывеску, потом на него.

— Сейчас?

— Книжные магазины обладают неприятным свойством закрываться ночью.

Внутри было тепло и пахло бумагой.

Соболев некоторое время рассматривал полки. Лебедев терпеливо ходил следом.

— Что ищете?

— Ничего определённого.

— Удивительно. В мастерской вы тоже сегодня ничего определённого не искали.

— Иногда это полезно.

Соболев остановился возле полки с историческими сочинениями, взял один том, пролистал и вернул.

Потом выбрал небольшую книгу рассказов.

Лебедев посмотрел на обложку.

— Не по службе?

— Нет.

— Вы читаете рассказы?

— Алексей Николаевич, ваше представление обо мне становится всё тревожнее.

— Я просто привык видеть у вас на столе протоколы.

— Поэтому дома я стараюсь читать то, где убийцу хотя бы иногда придумывает автор.

— И угадываете?

— Обычно слишком рано.

— Наверное, скучно.

— Очень.

У кассы пожилой продавец узнал Соболева.

— Дмитрий Петрович, прошлую книгу уже закончили?

— Вчера.

— И как?

— Автор убил самого интересного человека на сороковой странице.

Продавец вздохнул.

— Сейчас это модно.

— Напрасно.

На улице Лебедев ещё некоторое время улыбался.

— Теперь я знаю о вас две вещи, которых не знал утром.

— Опасный день.

— Вы едите варенье и покупаете рассказы.

— Никому не рассказывайте. Репутация погибнет.

— Буду хранить государственную тайну.

Соболев посмотрел на него.

— Вот поэтому Коренев и не поручал вам ремонтировать сейфы.

В Канцелярии их ждала новая записка.

Человек, оставленный в мастерской, закончил предварительную проверку бумаг Коренева.

Никаких документов, относящихся к текущим закрытым поручениям Канцелярии или дворцового управления, обнаружено не было. По ведомственным книгам последние такие работы были завершены несколько месяцев назад.

Лебедев прочитал бумагу.

— Значит, государственной истории здесь, похоже, нет.

— Похоже.

— Тогда дело передадут участку?

Соболев не ответил сразу.

К записке был приколот второй лист — короткое распоряжение Барятинского.

«До выяснения обстоятельств смерти Коренева расследование оставить за Соболевым».

Лебедев прочитал и улыбнулся.

— Похоже, князь решил, что раз уж вы начали, пусть остальные не мешают.

— Похоже.

— Значит, теперь это обычное убийство.

Соболев снял пальто.

— Обычных убийств не бывает. Бывают убийства без государственной тайны.

— Это значительно утешительнее.

Соболев сел за стол.

Перед ним лежали три фамилии.

Ведрин.

Расторгуев.

Илья Коренев.

Он не стал составлять сложную схему. Взял чистый лист и написал всего несколько строк.

«Ведрин. Мотив: репутация. Ссора около семи. После ухода — Климов. Проверить дальнейшее время».

Ниже:

«Расторгуев. Табакерка поступила через него. Выяснить происхождение вещи и содержание разговора с Корневым».

И ещё ниже:

«Илья Коренев. Деньги. Семейная ссора. Был в мастерской позже Ведрина».

Лебедев посмотрел через плечо.

— Всё?

— Для начала.

— Обычно в книгах у сыщиков на стенах висят карты, фотографии, стрелки, загадочные знаки.

— Поэтому им приходится писать целую книгу, чтобы понять собственную стену.

— А у нас три строки.

— И убийца от этого не исчез.

Лебедев сел напротив.

— Кого завтра?

— Расторгуева. Хочу понять, зачем он принёс Корневу табакерку и почему оказался в мастерской именно в тот вечер.

— А Илья?

— После него.

— Вы специально оставляете сына на потом?

— Да. С семейными ссорами всегда есть опасность слишком быстро принять громкие слова за мотив убийства. Сначала посмотрим на то, что можно проверить без эмоций.

Лебедев кивнул.

— Это разумно.

— Запишите дату.

— Уже второй раз за неделю вы хвалите меня.

— Тогда не записывайте. Получится подозрительно.

Лебедев засмеялся.

Когда он ушёл, Соболев ещё некоторое время оставался в кабинете.

Перед ним лежала копия записи о табакерке.

Серебряный корпус.

Старинная работа.
Исправленный механизм.
Фигурка чёрта.
Всё это выглядело значительно интереснее обычной ссоры двух мастеров.
И именно поэтому Соболев относился к табакерке осторожно.
Красивые вещи имели одно неприятное свойство: они слишком легко становились центром истории только потому, что хорошо запоминались.
А убийства совершали не вещи.
Люди.
Он сложил бумаги в папку и отправился домой.
Алексей Степанович встретил его в прихожей.
— Вы всё-таки вернулись к ужину.
— Я обещал вспомнить.
— Обед тоже вспомнили?
Соболев снял пальто.
— Вспомнил.
Алексей Степанович внимательно посмотрел на него.
— Два раза поели за один день?
— Представьте себе.
— Тогда завтра ждём третьего чуда.
— Какого?
— Чтобы вы сами спросили, что на завтрак.
— Не увлекайтесь фантазиями.
В кабинете Соболев положил купленную книгу на стол, но читать не стал.
Вместо этого достал старые карманные часы, которые уже несколько вечеров пытался привести в порядок.
Снял заднюю крышку.
Поднёс механизм к лампе.
Маленькие колёса, пружина, оси — десятки деталей, каждая из которых имела одну понятную задачу.
Если одна переставала работать, весь механизм начинал лгать о времени.
Соболев осторожно коснулся пинцетом повреждённого зубца.
Сегодняшнее расследование тоже пока выглядело просто.
У Ведрина был хороший мотив.
У Расторгуева была табакерка.
У Ильи была ссора с отцом.
Но ни одна из этих вещей ещё не означала убийства.
Он закрыл часы.
Завтра предстояло поговорить с человеком, который принёс в мастерскую маленького серебряного чёрта.
И Соболеву всё сильнее казалось, что прежде чем искать смысл в самом чёрте, следовало выяснить, кому понадобилось посадить его в табакерку.

Глава III. Чужая цена

«У всякой вещи есть цена. Опасность начинается тогда, когда человек начинает путать её со стоимостью».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

На следующее утро Соболев приехал в Канцелярию раньше Лебедева.

Это случалось нечасто.

Он снял пальто, положил перчатки на край стола и несколько минут стоял у окна, наблюдая, как на улице разъезжаются утренние экипажи. Небо было светлым, почти бесцветным. После вчерашнего снега воздух стал сухим и резким.

На столе лежала папка Коренева.

Соболев открыл её и ещё раз перечитал три короткие записи, сделанные накануне.

Ведрин. Репутация.

Расторгуев. Табакерка.

Илья Коренев. Деньги.

Три человека.

Три понятных причины для конфликта.

И ни одной причины торопиться.

Когда вошёл Лебедев, Соболев всё ещё стоял у окна.

— Доброе утро, Дмитрий Петрович. Я начинаю подозревать, что сегодня опоздал.

— Вы пришли вовремя.

— Тогда почему вы уже здесь?

— Иногда такое случается.

— Это меня и беспокоит.

Соболев посмотрел на него.

— Вы давно работаете?

— Достаточно, чтобы знать ваши привычки.

— Значит, пора менять.

— Мои или ваши?

— Начнём с ваших.

Лебедев снял пальто и сел.

— К Расторгуеву?

— Да. Хочу услышать историю табакерки от человека, который принёс её Кореневу.

— И узнать, что они обсуждали в день убийства.

— Именно.

Лебедев раскрыл записную книжку.

— Я вчера перечитал показания Ведрина. Есть одна вещь, которая мне не нравится.

— Какая?

— Если Расторгуев знал, что механизм новый, зачем вообще понадобилось заключение Коренева?

Соболев кивнул.

— Хороший вопрос.

— Спасибо.

— Не радуйтесь раньше времени.

— Я уже привык.

— Расторгуев мог хотеть подтвердить старость корпуса. Мог надеяться, что Коренев не заметит переделку. Мог вообще не знать всей правды о работе Ведрина.

— Значит, сегодня выясним.

— И постараемся не придумывать четвёртый вариант, пока не услышим первые три.

Лавка Григория Павловича Расторгуева находилась недалеко от Невского, в доме с широкими окнами и массивной дверью.

Над входом висела неброская вывеска:

«Старинные вещи. Г. П. Расторгуев».

Внутри было тепло и тихо.

Серебро, фарфор, часы, миниатюры и шкатулки стояли за стеклом. На стенах висели старые рамы, несколько икон и две шпаги.

Лебедев остановился возле витрины.

— Здесь всё выглядит дороже, чем есть.

— Это и называется торговлей.

— Вы циничны.

— Практичен.

Из дальней комнаты вышел Расторгуев.

Ему было около пятидесяти. Полный, аккуратно одетый, с ухоженной бородкой и внимательными глазами человека, который привык замечать не только вещь, но и то, насколько сильно она понравилась покупателю.

— Дмитрий Петрович Соболев?

— Мы знакомы?

— Нет. Но Фёдор Карпович предупредил, что вы, вероятно, придёте.

Соболев чуть задержал взгляд.

— Предупредил?

— Прислал мальчика утром. Сказал, что вы выясняете происхождение табакерки и можете захотеть поговорить со мной.

— Предусмотрительно.

— Фёдор Карпович всегда такой.

Расторгуев провёл их в небольшую комнату за лавкой.

— Чаю?

— Не откажусь, — сказал Соболев.

Лебедев посмотрел на него.

— Что?

— Ничего. Просто вы всё чаще соглашаетесь на чай.

— Не делайте из этого следственную версию.

Расторгуев улыбнулся.

Через минуту перед ними стояли чашки.

— Итак, табакерка, — сказал он. — Полагаю, именно из-за неё вы здесь.

— В основном. Расскажите, как она попала к вам.

Расторгуев сцепил пальцы.

— Купил несколько недель назад.

— У кого?

— У Николая Осиповича Ведрина.

— Он сказал, откуда получил корпус?

— Что приобрёл у частного владельца. Имя не назвал.

— Вас это не насторожило?

Расторгуев усмехнулся.

— Дмитрий Петрович, если каждый торговец старинными вещами станет требовать паспорт у каждой табакерки, половина лавок Петербурга закроется.

— Удобная система.

— Жизнеспособная.

— До первого скандала.

— Именно поэтому существует экспертиза.

Соболев поставил чашку.

— То есть вы принесли табакерку Кореневу, потому что хотели получить подтверждение её подлинности.

— Да.

— Полной подлинности?

Расторгуев помолчал.

— Я хотел знать возраст корпуса и старых деталей.

— Вы знали, что механизм Ведрин переделывал?

— Знал, что ремонтировал.

— Не одно и то же.

— Теперь понимаю.

— А тогда?

Расторгуев немного раздражённо поправил манжет.

— Тогда Ведрин сказал, что восстановил механизм по старому образцу. Я не спрашивал, сколько именно деталей он заменил.

— Почему?

— Потому что доверял его рукам.

— Но не имени.

— У Николая Осиповича хорошее имя.

— Пока.

Расторгуев внимательно посмотрел на Соболева.

— Вы уже говорили с ним.

— Да.

— И он всё рассказал?

— Достаточно.

— Тогда вы знаете, что Коренев счёл работу переделкой.

— И не только работу. Похоже, его беспокоило то, что новая деталь со временем может превратиться в старую в глазах следующего владельца.

— Это очень похоже на Матвея Савельевича.

— Вы с ним давно знакомы?

— Лет пятнадцать. Возможно, больше.

— Часто пользовались его заключениями?

— Когда речь шла о серьёзной вещи — да.

— Значит, его мнение влияло на ваши сделки.

— Конечно.

— И могло сорвать дорогую продажу.

Расторгуев не стал уклоняться.

— Могло. Именно поэтому я к нему и ходил.

— В день убийства тоже из-за этой табакерки?

— Да. Мы спорили.

— Насколько серьёзно?

Расторгуев усмехнулся.

— Если вы ждёте признания в том, что я схватил его за воротник, не дождётесь. Но голоса мы повысили оба.

— Из-за чего именно?

— Он отказался подписывать заключение, которое устроило бы покупателя.

— То есть вы хотели, чтобы он подтвердил вещь как старинную целиком?

— Я хотел, чтобы он подтвердил всё старое, что в ней действительно осталось.

— А покупатель потом сам должен был догадаться, что именно оказалось новым.

Расторгуев посмотрел холоднее.

— Вы формулируете это неприятно.

— Я стараюсь формулировать точно.

— Иногда точность неприятнее обвинения.

— Зато полезнее.

Несколько секунд они молчали.

Расторгуев первым продолжил:

— Корнев отказался. Сказал, что не станет ставить подпись под вещью, история которой ему не нравится.

— История?

— Именно так выразился.

Соболев чуть наклонился вперёд.

— Что он имел в виду?

— Сначала я решил, что речь о новом механизме. Потом понял, что его заинтересовал сам корпус.

— Почему?

— Он несколько раз спросил, откуда вещь. Я сказал, что получил её через Ведрина. Тогда Матвей Савельевич ответил, что утром поговорит с ним ещё раз.

— Он подозревал, что происхождение корпуса выдумано?

— Возможно.

— А вы?

Расторгуев немного помолчал.

— До того разговора — нет.

— После?

— Начал сомневаться.

— Поэтому пришли вечером?

— Я и так должен был прийти. Хотел забрать предварительное заключение.

— И что получили?

— Ничего. Только неприятный разговор.

Лебедев спросил:

— Корнев прямо сказал, что сообщит покупателю о переделке?

Расторгуев повернулся к нему.

— Сказал, что если его спросят, он ответит правду. Для Матвея Савельевича этого было достаточно.

— Для вас — нет.

— Для меня это означало потерю сделки.

— Большой?

Расторгуев назвал сумму.

Лебедев едва заметно поднял брови.

Соболев заметил.

— Не считайте чужие деньги.

— Я только оценил масштаб огорчения.

Расторгуев усмехнулся.

— В этом молодой человек прав. Я был очень огорчён.

— Настолько, чтобы угрожать Кореневу?

— Я сказал, что он портит мне дело и не понимает торговли.

— Что ответил он?

— Что прекрасно понимает торговлю, но не хочет становиться её соучастником.

— После этого вы ушли?

— Да.

— Во сколько?

— Около половины шестого.

— Куда?

— В ресторан «Медведь».

— Один?

— Нет. У меня была встреча с двумя промышленниками.

— До какого времени?

— Почти до полуночи.

— Они подтвердят?

— Разумеется. Как и официанты.

Соболев кивнул.

— Проверим.

Расторгуев развёл руками.

— Я ожидал.

Соболев немного помолчал.

— Григорий Павлович, скажите честно: смерть Коренева выгодна вам?

Расторгуев удивился не самому вопросу, а его прямоте.

— Если смотреть совсем коротко — можно решить, что да.

— А если не коротко?

— Тогда нет.

— Почему?

— Потому что теперь я вообще не знаю, что у меня за вещь. Коренев мог доказать, что корпус подлинный и ценность всё равно высокая. Мог объяснить, какие детали новые. Я получил бы неприятную правду, но правду. Теперь у меня только спорная табакерка и убитый эксперт.

— Но продажа могла состояться без него.

— Серьёзный покупатель спросит, почему заключения нет.

— Найдёте другого эксперта.

— После смерти Коренева? Любой другой мастер будет особенно осторожен.

Соболев согласился.

Мотив у Расторгуева существовал.

Но выгода от смерти была далеко не такой очевидной, как казалось сначала.

— Вы видели, как работал механизм после ремонта?

— Видел.

— Кто показывал?

— Ведрин. Потом Коренев.

— Значит, вы знали, что фигурка выскакивает.

— Конечно.

— Кто ещё мог видеть?

Расторгуев задумался.

— В мастерской в тот день был Фёдор Карпович. Заходил несколько раз. Видел ли именно момент проверки — не скажу.

— Илья?

— При мне его не было.

— Хорошо.

Соболев поднялся.

— Ещё одно. После разговора с Корневым вы сообщали Ведрину, что мастер собирается с ним говорить?

— Нет.

— Почему?

— Был зол на обоих.

— Настолько, что решили не вмешиваться?

— Иногда человек просто хочет уйти и оставить остальных разбираться без него.

— Это звучит удивительно здраво.

— Я не всё время торгую табакерками, Дмитрий Петрович.

На улице Лебедев некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Мне он нравится меньше, чем Ведрин.

— Как человек?

— Как подозреваемый.

— Почему?

— Мотив есть, но выглядит слишком деловым. Он потерял бы сделку, но не жизнь.

— Людей убивают и за меньшие деньги.

— Да, но он будто сам понимает последствия лучше остальных.

— Это не оправдание.

— Я знаю.

Лебедев немного подумал.

— Зато алиби у него должно быть хорошим.

— Проверим.

— Если подтвердится, останутся Ведрин и Илья.

— И ещё сам вечер.

— Что значит «сам вечер»?

— Пока мы знаем, кто приходил. Но ещё не знаем точно, кто когда ушёл и кто видел Коренева последним.

— Сеницын.

— Один из тех, кто может помочь восстановить время. Но сначала проверим остальных.

Лебедев кивнул.

— То есть пока не превращаем приказчика в отдельную фигуру.

— А зачем?

— Не знаю.

— Вот именно.

Они поехали к ресторану «Медведь».

Алиби Расторгуева подтвердилось быстрее, чем ожидалось.

Управляющий вспомнил его хорошо.

— Григорий Павлович приехал около семи. Сидел с господином Щукиным и господином Дроздовым. Ужинали долго.

— Он выходил?

— В гардероб, один раз поговорить со знакомым в соседнем зале. Но ресторан не покидал.

— До какого времени?

— После одиннадцати точно. Потом я уже не смотрел.

Один из официантов подтвердил то же.

Лебедев записал.

Когда они вышли, он сказал:

— Значит, Расторгуев почти отпадает.

— Как непосредственный убийца — да.

— Уже хорошо.

— Почему?

— Один человек меньше.

— Именно.

— Я начинаю любить простые дела.

Соболев посмотрел на него.

— Не торопитесь. Мы ещё не дошли до сына.

Илья Матвеевич Коренев жил на Среднем проспекте, в новом доходном доме с просторной лестницей и высокими окнами.

Дворник, услышав фамилию жильца, сразу указал наверх.

— Третий этаж, квартира восемь. Он дома. Утром выходил, но недавно вернулся.

Соболев остановился.

— Во сколько выходил?

— Около восьми.

— Надолго?

— Часа на полтора.

— Один?

— Один.

Лебедев записал.

Соболев больше ничего не спрашивал.

У квартиры номер восемь пришлось постучать дважды.

Илья открыл сам.

Он оказался мужчиной лет тридцати двух, высоким и широкоплечим. Тёмные волосы были растрёпаны, лицо бледное, под глазами лежали тени.

Увидев незнакомых мужчин, он сразу насторожился.

— Из Канцелярии?

— Дмитрий Петрович Соболев. Это Алексей Николаевич Лебедев.

Илья посмотрел на них несколько секунд.

— Из-за отца?

— Да.

Он отступил в сторону.

— Входите.

Квартира выглядела дороже, чем позволял предположить вид хозяина. Новая мебель, тяжёлые рамы, граммофон возле окна. На столике лежали свежие газеты и серебряный портсигар.

Лебедев невольно осмотрел комнату.

Илья заметил.

— Если оцениваете мебель, почти всё куплено в долг.

Лебедев немного смутился.

Соболев сказал:

— Очень удобно. Мы как раз собирались поговорить о деньгах.

Илья горько усмехнулся.

— Значит, Сеницын уже рассказал.

— Пока никто не рассказывал достаточно. Поэтому лучше начните вы.

Они сели.

Илья некоторое время вертел в руках портсигар.

— Отец действительно убит?

— Да.

Он опустил глаза.

— Мальчишка из мастерской сказал только, что умер.

— Кто его прислал?

— Фёдор Карпович. Видимо, не хотел говорить ребёнку лишнего.

— Вероятно.

Соболев дал ему несколько секунд.

— Мне нужно восстановить ваш вчерашний разговор с отцом. Не только ссору. Весь визит.

Илья посмотрел на него.

— Я приходил днём.

— И вечером тоже.

Пауза.

Илья медленно положил портсигар на стол.

— Значит, всё-таки рассказал.

— Вы сами сейчас подтвердили.

Илья закрыл глаза.

— Хорошо. Был вечером.

— Почему сначала не сказали?

— Потому что знаю, как это выглядит. Сын просит деньги, ссорится с отцом, уходит, а через несколько часов отца находят мёртвым.

— Вы решили, что ложь выглядит лучше?

— Нет. Решил выиграть несколько минут, пока не пойму, что вообще произошло.

— И помогло?

— Как видите, не особенно.

Соболев кивнул.

— Теперь рассказывайте с начала.

Илья вздохнул.

— Днём я попросил у отца пять тысяч рублей.

Лебедев поднял глаза.

Илья заметил.

— Да, именно рублей. Можете не уточнять.

Лебедев улыбнулся.

— Спасибо. Я уже собирался.

— Алексей Николаевич, — сказал Соболев, — иногда молчание сохраняет человеку достоинство.

— Чьё?

— Начните со своего.

Илья неожиданно усмехнулся.

— Я задолжал. Частично карты, частично неудачное предприятие.

— Какое предприятие?

— Механические игрушки. Хотел открыть небольшое производство.

— Вы сами мастер?

— Учился у отца с детства.

— Почему ушли от него?

Илья посмотрел в окно.

— Потому что рядом с Матвеем Корневым невозможно было стать взрослым мастером. Можно было быть хорошим учеником, плохим учеником или неблагодарным учеником. Четвёртого положения не существовало.

— Вы открыли своё дело.

— Попытался.

— Не получилось.

— Пока нет.

— И отец уже помогал деньгами.

— Много раз.

— Почему в этот раз отказал?

Илья помолчал.

— Сказал, что устал оплачивать мои ошибки.

— Вы рассердились.

— Очень.

— Ушли?

— Днём — да. Потом весь день думал, что он всё равно даст деньги, если поговорить спокойно. Вечером вернулся.

— Примерно когда?

— Около половины восьмого.

— Отец был один?

— Насколько видел, да. Синицын находился в конторке.

— Как начался второй разговор?

Илья провёл ладонью по лицу.

— Хуже первого. Отец сразу понял, зачем пришёл, и сказал, что решение не изменил. Я начал доказывать, что дело можно спасти, если получить деньги сейчас.

— Он не поверил?

— Сказал, что я умею спасать предприятия только чужими деньгами.

— И вы повысили голос.

— Да. Потом наговорил лишнего.

— Что именно?

Илья помолчал.

— Что он однажды останется один со своими железками.

Соболев не перебивал.

— Он ответил?

— Сказал, что это лучше, чем остаться среди людей, которые приходят только тогда, когда им нужны деньги.

Слова всё ещё причиняли Илье боль. Это было заметно.

— Потом?

— Я уже собирался уйти. Он сказал, чтобы я пришёл утром и мы поговорим спокойно. Добавил, что окончательно ещё ничего не решил.

— То есть деньги вы всё ещё рассчитывали получить.

— Да.

— Это важно.

Илья посмотрел настороженно.

— Почему?

— Потому что человек, который уверен, что утром получит пять тысяч рублей, имеет меньше причин убивать того, кто должен их дать.

Илья впервые посмотрел на Соболева почти с благодарностью.

— Значит, вы мне верите?

— Я сказал только то, что следует из вашего рассказа. Теперь его нужно проверить.

— Разумеется.

— После мастерской куда поехали?

Илья отвёл взгляд.

Вот теперь Соболев увидел настоящий страх.

Не страх убийцы.

Другой.

— К знакомой.

— Имя придётся назвать.

— Это не относится к отцу.

Соболев слегка откинулся в кресле.

— Илья Матвеевич, сегодня я уже слышал несколько вариантов этой фразы. Она редко помогает. Если вы не назовёте человека, придётся устанавливать ваш маршрут через извозчиков, швейцаров, соседей и прислугу. Тогда о вашем визите узнает значительно больше людей.

Илья выругался.

— Она замужем.

Лебедев опустил глаза в книжку.

Соболев продолжил совершенно спокойно:

— Для проверки времени её семейное положение значения не имеет.

— Для её мужа имеет.

— С этим спорить не стану.

Илья долго молчал, потом назвал имя.

Зинаида Петровна Чижова.

— Где живёт?

Илья дал адрес.

— Во сколько приехали?

— Около двадцати минут девятого. Может, немного раньше.

— Кто видел?

— Швейцар. Горничная. Я оставался до одиннадцати.

— Хорошо. Проверим максимально незаметно.

— Вы можете?

— Могу постараться.

— Спасибо.

— Пока не за что.

Соболев поднялся.

Илья вдруг сказал:

— Дмитрий Петрович, отец был жив, когда я уходил. Не просто жив. Он сидел за столом и снова работал. Будто нашего разговора вообще не было.

— Над чем?

Илья задумался.

— Не знаю. Там лежали бумаги и какая-то серебряная вещь.

— Табакерка?

— Возможно. Я не обратил внимания.

— Он её открывал?

— При мне — нет. Я вообще тогда смотрел скорее на отца, чем на стол.

— Это естественно.

У двери Соболев остановился.

— Ещё одна вещь. У вас сохранился ключ от мастерской?

Илья удивился.

— Старый?

— Тот, который был у вас, когда вы работали с отцом.

— Где-то должен быть.

— Вы им пользовались вчера?

— Нет. Дверь была открыта.

— Найдите ключ и пока не теряйте.

— Думаете, это важно?

— Пока просто хочу знать, у кого была возможность войти без звонка.

Илья кивнул.

На улице Лебедев сразу сказал:

— Мне он нравится меньше Ведрина.

— Как подозреваемый?

— Да. Он был у отца позже, ссорился из-за денег и солгал нам первым же ответом.

— Зато отец собирался утром ещё раз обсудить деньги.

— Если Илья говорит правду.

— Поэтому проверим.

— И женщина даст алиби.

— Если даст.

Лебедев посмотрел на него.

— Вот теперь всё привычно.

— Что именно?

— Ни одному человеку вы не позволяете надолго почувствовать облегчение.

— Это полезно для памяти.

До Мойки добрались быстро.

Зинаида Петровна Чижова оказалась женщиной лет двадцати восьми, красивой, собранной и совершенно не обрадованной появлению представителей Канцелярии.

Когда Соболев объяснил цель визита, она сначала побледнела, затем рассердилась.

— Илья назвал моё имя?

— После некоторого сопротивления.

— Я его убью.

Лебедев поднял глаза от книжки.

Соболев сказал:

— Эту фразу мы сегодня не записываем.

Зинаида Петровна невольно рассмеялась.

Напряжение немного спало.

— Простите. Что вам нужно знать?

— Только время. Илья Матвеевич был у вас вчера вечером?

— Был. Приехал около двадцати минут девятого. Я ждала к восьми и хорошо помню, насколько сильно он опоздал.

— Ушёл?

— После одиннадцати.

— Всё это время находился здесь?

— Да. Горничная подавала чай, а швейцар видел его и при входе, и при выходе.

— Этого достаточно.

Она посмотрела с удивлением.

— Вы не будете спрашивать, что он здесь делал?

— Для расследования убийства это неважно.

— Удивительно тактичный следователь.

Лебедев тихо сказал:

— Не говорите ему. Он привыкнет.

Соболев повернулся.

— Алексей Николаевич.

— Уже поздно.

Проверка заняла ещё несколько минут.

Горничная и швейцар подтвердили время.

На улице Лебедев закрыл записную книжку.

— Значит, после двадцати минут девятого Илья точно не мог быть в мастерской.

— Да.

— Но Коренев, по словам Корсакова, вероятнее всего умер между семью и восемью.

— Предварительно.

— Тогда визит Ильи вообще попадает прямо внутрь промежутка.

— Именно.

— Он мог убить отца перед уходом.

— Мог.

— Но зачем потом ехать к женщине и спокойно оставаться до одиннадцати?

— Люди после убийства иногда делают очень обычные вещи.

— Вы уже говорили.

— Значит, запомните.

Лебедев вздохнул.

— Всё равно Илья сейчас выглядит сильнее.

— Как версия — да.

— А Ведрин?

— Не забываем. Коренев собирался уничтожить его профессиональное имя.

— Расторгуев почти отпал.

— Как исполнитель — похоже.

Лебедев немного подумал.

— Получается, теперь двое.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы ещё плохо знаем сам вечер.

— Опять время.

— Да.

— И людей, которые оставались в мастерской.

Соболев посмотрел на него.

— Не людей. Последовательность.

— Вы специально избегаете слова «подозреваемые».

— Пока оно мешает.

Они зашли в небольшой трактир.

Не потому, что расследование требовало передышки, а потому, что Лебедев уже дважды посмотрел на витрину с пирогами.

Соболев заметил.

— Есть хотите?

— Немного.

— Тогда почему молчите?

— После вчерашней лекции о следствии я решил не перегружать вас лишними версиями.

— Голод — не версия.

— Отлично.

Они сели у окна.

Лебедев заказал пирог с мясом. Соболев — чай и расстегай.

— Вы опять едите, — заметил помощник.

— Вас это всё ещё удивляет?

— Уже меньше. Но я слежу за развитием.

— Очень опасная привычка.

Некоторое время они говорили не о деле.

Лебедев рассказал о хозяйке квартиры, которая решила заменить занавески и попросила его выбрать ткань.

— И вы выбрали?

— Синие.

— Почему?

— Они мне понравились.

— Сильный аргумент.

— Хозяйка сказала то же, только другим тоном.

— Что выбрала она?

— Коричневые.

— Значит, зачем спрашивала?

Лебедев развёл руками.

— Я тоже пытался понять.

— Иногда людям нужно не мнение, а подтверждение собственного.

— Это вы сейчас о занавесках или о свидетелях?

Соболев посмотрел на него.

— Начинаете портиться.

— Я учусь.

— Именно это и тревожит.

После короткой паузы Лебедев сам вернулся к делу.

— Если Илья действительно был последним близким человеком, который видел Коренева живым, нам надо точно понять, во сколько он ушёл.

— Да.

— Синицын сказал около половины восьмого.

— Приблизительно.

— Сам Илья говорит примерно то же.

— Да.

— Дворник мог видеть.

— Вот с него завтра и начнём.

— А потом?

— Потом ещё раз проверим время смерти у Корсакова.

Лебедев кивнул.

— И если совпадёт?

Соболев взял чашку.

— Тогда займёмся Ильёй серьёзнее.

— А если не совпадёт?

— Тогда будем рады, что не арестовали сына раньше времени.

Лебедев усмехнулся.

— Мне начинает нравиться ваша осторожность.

— Не привыкайте.

К вечеру они вернулись в Канцелярию.

Ответ из ресторана уже лежал на столе.

Алиби Расторгуева подтвердилось окончательно.

Соболев взял рабочий лист и перечеркнул его фамилию тонкой линией.

Не удалил совсем.

Расторгуев оставался важен для истории табакерки.

Но убийцей он почти наверняка не был.

Рядом оставались два имени.

Николай Ведрин.

Илья Коренев.

Лебедев посмотрел.

— Красиво.

— Что именно?

— Два человека. Два понятных мотива.

— Не увлекайтесь красотой.

— Уже понял.

— Завтра может остаться один. Или снова двое. Или выяснится, что оба не подходят.

— И тогда?

Соболев закрыл папку.

— Тогда будем искать человека, которого пока не замечаем.

Лебедев улыбнулся.

— Вот это уже звучит как настоящий детектив.

— Поэтому забудьте.

Дома Соболев застал Алексея Степановича на кухне.

Тот стоял перед открытым шкафчиком и раздражённо пересчитывал банки.

— Что случилось?

— Исчезло варенье.

Соболев остановился.

— Какое?

— Вишнёвое.

— Утром было.

Алексей Степанович медленно повернулся.

— Именно.

Соболев выдержал взгляд.

— Я ел.

— Сколько?

— Не помню.

— Банка была почти полная.

— Тогда подозрение падает на меня.

— Наконец-то следователь сделал правильный вывод.

Соболев улыбнулся.

— Завтра купим ещё.

— Уже купил.

— Тогда преступление раскрыто.

— Но ущерб остался.

За ужином он впервые за день не думал о Кореневе.

Алексей Степанович рассказывал о торговце, который уверял, будто новые яблоки значительно слаще вчерашних, хотя лежали в той же корзине.

Соболев слушал, ел и почти отдыхал.

Только позже, уже в кабинете, вернулся к делу.

На столе лежала табакерочная карточка.

Расторгуев принёс вещь.

Ведрин её переделал.

Коренев отказался подтверждать удобную для продажи историю.

Илья пришёл позже из-за денег.

Каждый человек пока имел своё понятное место.

Соболеву нравилось это.

Ничего лишнего.

Никаких невидимых врагов.

Никаких старых тайн.

Несколько обычных людей, каждый из которых что-то хотел от одного старого мастера.

А потом мастер умер.

Соболев закрыл папку.

Главное было не испортить дело раньше времени.

Не усложнить его сильнее, чем усложнили сами люди.

И не решить слишком рано, что чёрт обязательно должен находиться именно внутри табакерки.

Глава IV. Время, которое никто не видел

«Время редко лжёт само. Обычно за него лгут люди, которые пытаются вспомнить слишком точно».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

На следующее утро Петербург снова изменился.

Ночью подморозило. Вчерашняя вода на мостовой схватилась тонким льдом, у тротуаров появились серые неровные полосы, а снег, ещё недавно мягкий, теперь хрустел под сапогами.

Соболев стоял у окна и пытался завести старые карманные часы.

Пытался уже третий раз.

Механизм делал несколько оборотов и останавливался.

— Они знают, что вы торопитесь, — заметил Алексей Степанович.

— Часы ничего не знают.

— Поэтому и ведут себя так спокойно.

Соболев повернул ключ ещё немного.

Колесо снова дрогнуло.

Тик.

Тик.

Тишина.

— Упрямые, — сказал он.

— Хорошие часы.

— Почему?

— Плохие давно бы сделали вид, что работают.

Соболев посмотрел на него.

— Это вы сейчас о часах?

— Пока да.

На столе уже стоял завтрак.

Сегодня Алексей Степанович приготовил кашу, яйца и поставил кофейник так далеко от часов, насколько позволял стол.

Соболев заметил.

— Вы их опасаетесь?

— Я опасаюсь кофе рядом с разобранным механизмом.

— Я никогда не проливал кофе на часы.

— Именно поэтому не хочу начинать.

Соболев накрыл механизм стеклянным колпаком.

— Довольны?

— Пока.

Они завтракали спокойно.

Соболев не открывал папку Коренева и даже не брал газету.

Ему хотелось хотя бы десять минут пожить в мире, где никто никого не убил.

Алексей Степанович рассказывал о дворнике, который утром поскользнулся возле ворот, обругал лёд, потом посыпал его песком и ещё раз поскользнулся уже на песке.

— Значит, песок не помог.

— Помог. Второй раз он упал значительно осторожнее.

Соболев улыбнулся.

— Полезный опыт.

— Всё в жизни полезно, если пережил.

Только после кофе он снова подумал о деле.

Сегодня требовалось проверить самую простую вещь — время.

Не подозреваемых.

Не табакерку.

Не мотивы.

Время.

Илья Коренев утверждал, что пришёл к отцу около половины восьмого и ушёл примерно через четверть часа.

После этого около двадцати минут девятого появился у Зинаиды Петровны Чижовой.

Её прислуга и швейцар подтвердили.

Значит, промежуток между мастерской и Мойкой можно было восстановить.

И если удастся точно определить, когда Илья покинул отца, станет понятнее, насколько серьёзно его следует подозревать.

Лебедев ждал его возле Канцелярии.

— Доброе утро, Дмитрий Петрович.

— Доброе.

— Я уже поговорил с дворником дома Коренева.

Соболев остановился.

— С каким?

— С тем, который вчера сообщил, что Илья утром выходил.

— Я собирался сделать это сам.

— Решил проявить инициативу.

— Опасное занятие.

— Иногда удачное.

— Что выяснили?

Они вошли в кабинет.

Лебедев снял пальто и открыл записную книжку.

— В день убийства дворник видел Илью дважды. Первый раз около семи с небольшим — когда тот вошёл во двор. Второй — примерно без четверти восемь, когда вышел.

— Почему он запомнил время?

— Не время. Колокольный звон. В соседней церкви как раз звонили перед вечерней службой. Он говорит, что Илья вошёл незадолго до звона, а вышел уже после.

— Это лучше часов.

— Я тоже подумал.

— Не увлекайтесь совпадениями.

— Уже поздно.

Соболев сел.

— Значит, визит сына длился примерно полчаса.

— Похоже.

— И Коренев был жив около без четверти восьмого.

— Если Илья не врёт о том, что отец оставался жив, когда он уходил.
Соболев посмотрел на помощника.

— Правильно.

Лебедев заметно обрадовался.

— Вы опять сказали, что я прав.

— Не собирайте коллекцию.

— Уже собираю.

— Тогда храните подальше от меня.

Соболев взял вчерашнее заключение Корсакова.

— Поедем к доктору.

— Он будет рад.

— Эту шутку вы уже использовали.

— Значит, становится традицией.

Корсаков был у себя и действительно выглядел человеком, который заранее сожалел о появлении Соболева.

— Я ещё вчера всё написал.

— Поэтому сегодня хочу только понять написанное.

— Это ещё хуже.

Лебедев сел у окна.

Соболев положил перед врачом заключение.

— Вы определили смерть приблизительно между семью и восемью.

— Наиболее вероятно. Но я специально написал «приблизительно».

— Теперь у нас появился свидетель, который видел Коренева живым около без четверти восьми.

Корсаков посмотрел внимательнее.

— Кто?

— Сын.

— Надёжный?

— Это уже моя проблема.

— Тогда медицина вам не мешает. Коренев вполне мог умереть после этого времени.

— Насколько позже?

— Дмитрий Петрович, я не буду давать вам пять минут только потому, что вы нашли человека с часами.

— Не с часами. С дворником.

— Тем более.

Соболев усмехнулся.

— Хорошо. Тогда формулирую иначе. Если Коренев был жив около без четверти восьми, смерть около восьми или немного позже вашему заключению не противоречит?

— Нет. Не противоречит.

— А около половины девятого?

— Уже менее вероятно, но возможно.

— После девяти?

— Мне бы это не понравилось.

— Значит, наиболее разумно искать промежуток между уходом Ильи и примерно половиной девятого.

Корсаков поднял палец.

— Это уже не мой вывод. Это ваш.

— Именно.

— Тогда я спокоен.

Лебедев спросил:

— Доктор, а можно по характеру удара понять, стоял Коренев или сидел?

Корсаков повернулся к нему.

— Вот это хороший вопрос.

Лебедев посмотрел на Соболева почти победно.

— Не начинайте, — сказал тот.

Корсаков продолжил:

— Точно сказать нельзя, но положение повреждения позволяет предположить, что удар пришёлся сбоку и сверху. Если Коренев сидел, убийце было удобно стоять рядом. Если стоял — человек, вероятно, был одного с ним роста или выше.

— Рост Коренева?

— Около среднего.

— Ведрин выше.

— Да.

— Илья тоже.

— Да.

— Расторгуев?

— Примерно того же роста.

Лебедев задумался.

— Значит, это ничего не даёт.

— Вот теперь вы тоже начинаете понимать медицину, — сказал Корсаков.

— Спасибо.

— Это не было похвалой.

На улице Соболев задержался у крыльца.

— Теперь к мастерской?

— Да.

— Зачем?

— Хочу поговорить с соседями ещё раз. Но сегодня не о том, кого они видели. О том, что слышали.

Лебедев посмотрел на него.

— Вы всё-таки вернулись к звукам.

— Потому что никто после ухода Ильи Коренева не видел. А значит, кто-то мог решить, что он ещё работает, только по звуку.

— Часы.

— Не только.

Они начали с переплётной мастерской, находившейся за стеной.

Семён Гаврилович Бородин встретил их с некоторой настороженностью.

— Опять из-за Матвея Савельевича?

— Нам осталось уточнить одну вещь, — сказал Соболев. — Вечером после ухода его сына вы слышали работу мастерской?

Бородин подумал.

— Слышал что-то.

— Вот именно «что-то» и нужно вспомнить. Не пытайтесь сейчас решить, работал ли Коренев. Какие были звуки?

Переплётчик снял очки и протёр их краем фартука.

— Иногда металлический стук. У него постоянно что-нибудь стучало. Часы, механизмы, инструменты.

— Разговор слышали?

— После того, как сын ушёл, вроде нет.

— Шаги?

— Не помню.

— А равномерный стук?

Бородин задумался.

— Был. Несколько минут.

— Вы знаете испытательный механизм, которым пользовался Коренев?

— Если вы про эту штуку, которая стучит одинаково, пока не остановится, тогда да.

Иногда надоедала ужасно.

— В тот вечер он работал?

— Похоже на то.

— До или после ухода Ильи?

Бородин пожал плечами.

— Вот этого не скажу. Тогда я не знал, что утром придётся вспоминать по минутам.

— И правильно, что не придумываете.

Соболев поблагодарил его.

В конторе торговца тканями хозяина не было, зато приказчик вспомнил несколько звуков ближе к восьми.

— Я уже собирался уходить, когда услышал сильный удар. Потом ещё какой-то металлический звук.

— Один сильный удар?

— Насколько помню — да. Я даже подумал, что у Коренева что-то тяжёлое упало.

— Сколько было времени?

Приказчик не стал отвечать сразу.

— Около восьми. Может, без нескольких минут. Я смотрел на часы, потому что собирался закрывать.

— После этого что-нибудь слышали?

— Минут через пять — дверь.

Соболев поднял глаза.

— Какую?

— Наружную. У них петля немного скрипела. Я всегда узнавал.

Лебедев сразу приготовился писать.

Соболев спросил спокойнее:

— Вы уверены, что это была именно дверь мастерской, а не соседняя?

— Почти уверен. Наши двери звучат по-разному.

— Человек вышел или вошёл?

— Этого не знаю.

— Шаги на улице?

— Не слышал.

— Разговор после?

— Нет.

— Свет в мастерской оставался?

Приказчик подумал.

— Кажется, да. Через стекло конторки было видно.

На улице Лебедев сказал:

— Вот это уже интереснее.

— Да.

— Сильный удар около восьми. Потом дверь.

— Да.

— Похоже на убийство и уход.

— Похоже.

— Значит, смерть могла наступить около восьми.

— Это согласуется с Корсаковым.

— И с тем, что Илья ушёл раньше.

Соболев ничего не сказал.

Лебедев посмотрел внимательнее.

— Вы сейчас о чём думаете?

— О свете.

— Что с ним?

— Если убийца ушёл, почему не погасил лампу?

— А зачем?

— Именно. Значит, не пытался создать впечатление, что мастерская закрыта.

— Может, просто не подумал.

— Скорее всего.

— Вы опять говорите «скорее всего».

— Сегодня можете записать.

Они поднялись на второй этаж к Евдокии Петровне Мещерской.

На этот раз дверь открылась быстрее.

— Я вас ждала.

— Почему?

— Потому что вчера после вашего ухода вспомнила ещё одну вещь.

Лебедев посмотрел на Соболева.

Тот сказал:

— Это всегда опасный момент.

Евдокия Петровна нахмурилась.

— Почему?

— Потому что воспоминание, появившееся после разговора со следователем, может быть настоящим, а может родиться из самого разговора. Поэтому рассказывайте медленно и только то, в чём уверены.

— Я уверена, что слышала, как кто-то сказал: «Не надо».

Соболев не изменился в лице.

— Когда?

— После ссоры Коренева с сыном.

— Мужской голос?

— Да.

— Коренева?

— Кажется.

— Почему решили, что его?

— Голос похож.

— Что было потом?

— Тишина. Потом один сильный удар.

— Через сколько?

— Не знаю. Может, через несколько минут.

— Слова второго человека слышали?

— Нет.

— Может быть, слово «не надо» вообще относилось к какой-нибудь работе?

Евдокия Петровна удивилась.

— Например?

— Мастер говорил помощнику не трогать механизм. Клиент хотел что-то открыть. Корнев отвечал на вопрос. Вариантов много.

Она задумалась.

— Может быть.

— Поэтому пока не будем превращать два слова в сцену убийства.

Лебедев тихо заметил:

— Вы сегодня особенно жестоки к красивым версиям.

— Они быстро размножаются.

Евдокия Петровна посмотрела на них обоих.

— Вы всегда так разговариваете?

— К сожалению, — сказал Соболев.

— К счастью, — одновременно ответил Лебедев.

Хозяйка рассмеялась.

Рыжая кошка на диване открыла глаза, посмотрела на них и снова уснула.

— А кошка опять ничего не слышала? — спросил Лебедев.

— Она услышала достаточно, чтобы спрятаться под буфет.

— После сильного удара?

— Да.

— Значит, хотя бы один свидетель у нас последовательный.

Соболев посмотрел на него.

— Не записывайте кошку.

— Уже передумал.

Они вернулись в мастерскую ближе к полудню.

Синицын находился в конторке и разговаривал с пожилой женщиной, пришедшей за часами.

Соболев не стал вмешиваться.

Он прошёл во внутреннюю комнату вместе с Лебедевым.

На столе всё ещё лежала табакерка.

— Сейчас будете слушать? — спросил помощник.

— Да.

Соболев осторожно завёл механизм.

— Только один раз.

— Почему?

— Потому что это улика, а не игрушка.

— Жаль.

— Вам уже понравился чёрт?

— Я начинаю относиться к нему профессионально.

— Это ещё хуже.

Соболев нажал на защёлку.

Крышка резко откинулась.

Изнутри выскочила маленькая чёрная фигурка.

Послышалось несколько звуков почти подряд.

Щелчок замка.

Удар крышки.

Короткий металлический стук внутри.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Соседи могли принять это за работу.

— Один раз — да.

— А сильный удар?

— Не этот. Слишком тихий.

— Значит, табакерка не объясняет того звука, который слышал приказчик.

— Похоже.

Соболев закрыл крышку.

— Но она могла быть открыта примерно в то же время.

— Кем?

— Корневым.

— Или убийцей.

— Да.

Лебедев задумался.

— Если Корнев открыл её перед ударом, значит, показывал человеку.

— Скорее всего.

— Тогда человек стоял рядом.

— Да.

— И всё очень просто: разговор о табакерке, Корнев открывает механизм, что-то говорит, возникает ссора, человек хватается молоток.

Соболев посмотрел на него.

— Красиво.

— Спасибо.

— Поэтому не верю.

Лебедев вздохнул.

— Почему?

— Потому что слишком много действий мы сейчас придумали сами.

— Но они возможны.

— Возможны. А нам нужны те, которые произошли.

Синицын вошёл из конторки.

— Дмитрий Петрович, простите. Я закончил с клиентом. Вам что-нибудь нужно?

— Только одно уточнение, Фёдор Карпович. Вечером, когда вы уходили, лампа в мастерской оставалась гореть?

Синицын подумал.

— Да. Матвей Савельевич работал, поэтому я её не гасил.

— Наружная дверь была не заперта на ключ.

— Верно.

— Значит, если после вас кто-нибудь пришёл, ему достаточно было войти в конторку.

— Если дверь не успела захлопнуться до конца — да. Там старый замок. Иногда язычок не входил сразу.

— Корнев собирался его чинить?

Синицын усмехнулся.

— Уже года два.

— Сапожник без сапог.

— Точно.

— Хорошо, спасибо.

Соболев больше ничего не спрашивал.

Они вышли.

На улице Лебедев сказал:

— Получается, убийце даже ключ мог быть не нужен.

— Именно.

— Значит, вчерашний вопрос о ключе Ильи становится менее важным.

— Значительно.

— Вы не расстроены?
— Почему?
— Хорошая была улика.
— Возможность открыть незапертую дверь сложно назвать уликой.
— Но звучало.
— Вот поэтому и опасно.
Они направились к дому Ильи.
На этот раз разговор оказался короче, но спокойнее.
Илья встретил их уже без прежней враждебности.
— Снова о вчерашнем?
— О времени, — сказал Соболев. — Дворник подтверждает, что вы вышли из дома отца около без четверти восьми.
— Похоже на правду.
— Вы сразу отправились к Зинаиде Петровне?
Илья немного помолчал.
— Нет. Я вчера сказал не совсем точно.
Соболев посмотрел на него.
— Тогда сейчас самое время сказать точно.
— Я заехал в трактир.
— Надолго?
— Минут на десять или пятнадцать. Выпил две рюмки, потому что после разговора с отцом был зол.
— Почему вчера об этом не сказали?
— Потому что и без того выглядел достаточно плохо. Не хотелось добавлять пьянство после ссоры.
— Две рюмки — ещё не преступление.
— В вашем кабинете, возможно.
— Где трактир?
Илья назвал адрес.
— Кто-нибудь вас запомнил?
— Хозяин меня знает.
— Хорошо. Проверим.
Илья посмотрел на него.
— Я всё ещё главный подозреваемый?
— Вы человек, который видел отца незадолго до смерти и имел с ним серьёзный конфликт.
— Значит, да.
Соболев не стал спорить.
— Пока мы обязаны проверять вас внимательнее остальных.
— Я хотя бы понимаю почему.
— Это уже упрощает разговор.
Они проверили трактир.
Хозяин действительно помнил Илью.
— Пришёл злой, сел у стойки, выпил две рюмки и ушёл. Даже закусывать толком не стал.
— Во сколько?
— Без десяти восемь или около того. Я как раз велел мальчишке зажигать вторую лампу.
— Надолго задержался?
— Минут десять.
— Один?

— Один.

Когда они вышли, Лебедев открыл книжку.

— Получается интересно. Илья вышел от отца около без четверти восьми, почти сразу оказался в трактире и пробыл там минут десять. Потом поехал на Мойку, где его видят примерно в двадцать минут девятого.

— Да.

— Для возвращения в мастерскую времени почти нет.

— Почти.

— Он мог выйти из трактира, вернуться, убить отца и потом поехать к Чижовой.

— Теоретически мог.

— Но зачем возвращаться?

— Вот это уже вопрос.

— Деньги.

— Отец обещал решить утром.

— Ссора.

— Уже закончилась.

— Тогда мотив становится слабее.

Соболев кивнул.

— Именно.

— Вы начинаете меньше подозревать Илью.

— Я начинаю меньше понимать, зачем ему было возвращаться.

— Это не одно и то же.

— Учитесь.

Лебедев улыбнулся.

— Теперь вы сами похвалили.

— Не увлекайтесь.

Они снова зашли пообедать.

На этот раз Лебедев выбрал небольшую столовую, которую рекомендовал его знакомый.

Соболев посмотрел на вывеску.

— Надеюсь, ваш знакомый жив.

— Вчера был.

— Уже хороший признак.

За столом они некоторое время вообще не говорили о расследовании.

Лебедев рассказывал о дяде, который однажды решил научиться кататься на коньках в пятьдесят два года и через десять минут решил, что ходьба значительно недооценена человеком.

Соболев смеялся.

— И больше не пробовал?

— Пробовал через год.

— Зачем?

— Забыл, почему перестал.

— Вот это настоящая человеческая память.

— Я поэтому и вспомнил сегодня.

— Очень уместно.

Принесли мясо с картофелем.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Можно теперь о деле?

— Если вам обязательно.

— Мне кажется, у нас происходит странная вещь.

— Какая?

— Чем больше мы проверяем людей, тем слабее выглядят версии.

— Это хорошая вещь.

— Почему?

— Потому что версии должны исчезать, если факты их не поддерживают.

— Но тогда кто останется?

Соболев отрезал кусок мяса.

— Убийца.

— Очень успокаивает.

— Вы хотели простоты.

— Хотел.

— Вот она.

Лебедев подумал.

— Тогда сегодняшний итог такой: Расторгуев почти отпал, Ведрин пока имеет сильный мотив, но его время нужно проверить до конца, а Илья мог вернуться, но пока непонятно зачем.

— Хорошо.

— И ещё около восьми соседи слышали один сильный удар и потом дверь.

— Это важнее.

— Значит, убийство, вероятно, произошло около восьми.

— Вероятно.

Лебедев вздохнул.

— Я уже почти перестал раздражаться.

— Плохой признак.

После обеда они вернулись в Канцелярию.

Соболев достал рабочий лист.

Илья Коренев.

Николай Ведрин.

Рядом с Расторгуевым появилась помета: «Алиби подтверждено».

Соболев не добавил новых фамилий.

Лебедев заметил это.

— Никого нового?

— Нет.

— Даже женщину Малинину?

— Она приходила раньше и пока не связана с последним часом.

— Значит, подождёт.

— Да.

Соболев написал ниже:

«Вероятный момент убийства — около восьми. После сильного удара слышали дверь».

Потом добавил:

«Проверить: кто мог прийти после ухода Ильи?»

Лебедев прочитал.

— Вот это уже сложнее.

— Почему?

— Потому что дверь могла быть незаперта, а значит, войти мог почти любой.

Соболев посмотрел на него.

— Не любой.

— Почему?

— Человек должен был знать, что Коренев ещё в мастерской.

— Свет.

— Да.
— И решиться войти поздно вечером.
— Да.
— Значит, скорее знакомый.
— Именно.
Лебедев немного подумал.
— Тогда круг всё равно небольшой.
— Надеюсь.
К вечеру Соболев вернулся домой.
Алексей Степанович встретил его у дверей столовой.
— Ужин через двадцать минут.
— Я поел днём.
— Одно другому не мешает.
— Вы уверены?
— В вашем случае — абсолютно.
Соболев прошёл в кабинет.
На столе лежала купленная накануне книга рассказов.
Он открыл её с середины.
Прочитал страницу.
Потом ещё одну.
Закрыл.
Мысли всё равно возвращались к сильному удару около восьми.
И к двери.
Если свидетель не ошибся, убийство выглядело почти буднично.
Человек вошёл.
Поговорил с Корневым.
В какой-то момент один из них приблизился к рабочему столу.
Другой взял молоток.
Один удар.
Несколько минут тишины.
Скрип двери.
И всё.
Без тайного механизма.
Без сложного трюка.
Без тщательно рассчитанного убийства.
Возможно, именно поэтому оно и было трудным для следствия.
Человек всегда ищет сложность там, где не хватает ответа.
Ему кажется, что большая беда должна иметь большую причину, а страшное преступление — сложный замысел.
Но чаще всего человеческая жизнь ломается проще.
Одно слово, сказанное не вовремя.
Один страх, которому позволили стать сильнее рассудка.
Одна рука, потянувшаяся к вещи, лежавшей слишком близко.
Соболев посмотрел на старые часы под стеклянным колпаком.
Механизм мог состоять из сотни деталей.
Но чтобы он остановился, иногда достаточно было одной.
С людьми, подумал Соболев, всё устроено не намного сложнее.

Глава V. Человек, который слишком хорошо подходит

«Самая опасная версия — не та, которая кажется невероятной, а та, в которой всё слишком удобно становится на свои места».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Утро началось с того, что Алексей Степанович обнаружил на кухне сломанную ручку кофейной мельницы.

Соболев застал его у стола с выражением человека, которому только что сообщили о серьёзном нарушении общественного порядка.

— Что произошло?

— Она сломалась.

— Вижу.

— Вчера работала.

— Большинство сломанных вещей ещё вчера работало.

Алексей Степанович посмотрел на него.

— Именно поэтому я вас и позвал.

Соболев взял мельницу, повернул ручку и почувствовал, что ось свободно проворачивается внутри.

— Сорван штифт.

— Это хорошо или плохо?

— Это означает, что нужен новый штифт.

— Я понял. А кофе?

Соболев посмотрел на него.

— Вот это действительно серьёзнее.

Алексей Степанович поставил руки на стол.

— Наконец-то вы правильно расставляете приоритеты.

В доме нашёлся старый кофейник, которым давно не пользовались. Пока Алексей Степанович возился с ним, Соболев принёс из кабинета небольшой футляр с инструментами.

— Вы будете чинить сейчас?

— Пять минут.

— В прошлый раз ваши пять минут с часами продолжались до обеда.

— Мельница проще.

— Именно этого я и боюсь.

Соболев вытащил обломок штифта, подобрал подходящий кусочек стальной проволоки и начал подгонять его.

Алексей Степанович наблюдал.

— Вы когда-нибудь думали открыть мастерскую?

— Нет.

— Правильно.

— Почему?

— Там люди ждут результата.

Соболев поднял глаза.

— А дома?

— Дома я давно ничего не жду. Поэтому иногда приятно удивляюсь.

Через семь минут ручка снова вращалась.

Алексей Степанович проверил.

— Работает.

— Как видите.

— Не идеально.

— Тогда отдам обратно.

— Не надо. Я всегда говорил, что идеал — враг завтрака.

Через несколько минут кофе уже стоял на столе.

Соболев пил его медленно и думал о вчерашнем вечере Коренева.

Время убийства понемногу сужалось.

Илья покинул мастерскую примерно без четверти восемь. Почти сразу появился в трактире. Около восьми ушёл оттуда, а к двадцати минутам девятого уже был на Мойке.

Где-то между этими точками оставалось пространство.

Небольшое.

Но достаточное.

Ведрин казался даже удобнее сына.

У него был ясный профессиональный мотив, тяжёлый разговор с Кореневым, страх потерять имя. Однако он утверждал, что ушёл около семи и сразу отправился к Климову.

До сих пор это проверили только приблизительно.

Сегодня Соболев решил довести эту часть до конца.

— Вы опять здесь только телом, — заметил Алексей Степанович.

— Сегодня хотя бы пью кофе.

— Это прогресс.

Соболев поставил чашку.

— Иногда мне кажется, вы ведёте отдельное расследование моей жизни.

— Нет. В отличие от вас я уже знаю виновного.

— И кто?

— Работа.

— Мотив?

— Вы ей слишком многое позволяете.

Соболев улыбнулся.

— Не передавайте Лебедеву. Он начнёт строить версию.

Лебедев уже ждал его в Канцелярии.

На столе лежали вчерашние записи, рядом — небольшой лист с маршрутом Ведрина.

— Я решил облегчить нам жизнь, — сказал он. — Мастерская Коренева, лавка Климова, дом Ведрина. Расстояния небольшие.

Соболев посмотрел на лист.

— Вы сами измеряли?

— Нет. По карте.

— Значит, сегодня измерим ногами.

— Я начинал догадываться.

— Вас это огорчает?

— Нет. Просто следствие постепенно становится очень полезным для здоровья.

Соболев надел перчатки.

— Начнём с Ведрина. Но сегодня я хочу не столько спрашивать его о мотиве, сколько восстановить самый конец разговора с Корневым.

— Думаете, он ещё что-то не сказал?

— Почти каждый человек что-нибудь не говорит в первый раз. Иногда потому, что врёт. Чаще потому, что не понимает, какая подробность важна.

— А Ведрин?

— Посмотрим.

Ведрина они нашли в его мастерской.

Он сидел за столом над небольшими настольными часами. При их появлении отложил инструмент и снял очки.

— Доброе утро, Дмитрий Петрович. Я уже начинаю подозревать, что скоро смогу назначать вам постоянное время.

— Тогда выбирайте после завтрака.

— Почему?

— До завтрака я хуже разговариваю.

Лебедев тихо сказал:

— Подтверждаю.

Соболев посмотрел на него.

— Алексей Николаевич обладает редким даром подтверждать то, о чём его не спрашивали.

Ведрин улыбнулся.

— Садитесь. Я догадываюсь, что снова из-за Матвея Савельевича.

— Сегодня я хочу вернуться только к последним минутам перед вашим уходом. Вчера вы хорошо объяснили причину ссоры, но меня интересует не причина. Что происходило в самой мастерской?

Ведрин немного подумал.

— Мы стояли у его стола. Я говорил громче, он — как обычно. Чем сильнее я злился, тем спокойнее становился Матвей Савельевич. У него был настоящий талант доводить человека вежливостью.

— Вы оставались всё время у стола?

— Почти. Один раз отошёл к окну, потому что хотел закончить разговор и уйти. Потом вернулся.

— Коренев вставал?

Ведрин нахмурился, стараясь вспомнить.

— Да. Подошёл к шкафу и достал небольшую коробку с деталями. Кажется, хотел показать мне старую пружину и объяснить, чем она отличается от той, которую я изготовил.

— Табакерка в это время лежала на столе?

— Лежала. Он несколько раз брал её в руки.

— Открывал?

— Да, кажется, один раз. Проверял механизм.

Соболев не стал сразу развивать эту деталь.

— Вчера вы говорили, что после разговора просто ушли. Вы действительно расстались спокойно?

Ведрин долго молчал.

Потом усмехнулся.

— Вот теперь добрались до неприятной части.

— Поэтому и пришлось прийти второй раз.

— Я ударил рукой по столу.

Лебедев поднял глаза.

Ведрин продолжил уже без прежнего раздражения:

— Не Коренева. По столу. Сильно. Сбил коробку с мелкими деталями, несколько винтов рассыпались по полу. Матвей Савельевич посмотрел на меня и сказал, что если я собираюсь уничтожить его мастерскую, пусть хотя бы начну с вещей подешевле.

— После этого вы подняли то, что упало?

— Частично. Несколько деталей собрал, остальные он велел оставить.

— Рабочий молоток тоже был на столе?

Ведрин задумался.

— Бронзовый? Да. Он сдвинулся и упал на пол.

— Вы его подняли?

— Поднял и положил обратно.

В комнате стало тише.

Лебедев ничего не записывал несколько секунд.

Ведрин посмотрел на него.

— Теперь, полагаю, это выглядит особенно хорошо.

Соболев ответил спокойно:

— Пока выглядит как мастер, который поднял инструмент с пола.

— Инструмент, которым через час убили человека.

— Поэтому я и спрашиваю.

Ведрин провёл ладонью по лицу.

— Я не сказал вчера именно потому, что понимал, как это прозвучит. Я был в ярости, держал этот молоток в руках, потом ушёл, а Коренева нашли мёртвым. Очень удобно для следствия.

— Для следствия удобнее правда, даже если она выглядит плохо.

— Это легко говорить следователю.

— Нет. Следователю как раз приходится потом с этой правдой разбираться.

Ведрин посмотрел на него внимательнее.

— Вы не считаете это доказательством?

— Если бы каждый мастер, поднявший молоток в мастерской, автоматически становился убийцей, Петербург пришлось бы наполовину арестовать.

Лебедев заметил:

— И оставить без ремонта часы.

— Это, пожалуй, было бы хуже, — сказал Ведрин.

Напряжение немного спало.

Соболев продолжил:

— Какой была последняя фраза Коренева, которую вы помните?

Ведрин посмотрел на разобранные часы перед собой.

— Он сказал, чтобы утром я принёс список всех работ, которые делал таким способом. Не только табакерку.

— А вы?

— Пообещал, что подумаю.

— Не согласились?

— Тогда ещё нет.

— И ушли.

— Да. Был зол настолько, что боялся снова что-нибудь сказать. Иногда лучший способ закончить разговор — просто выйти.

— Вы видели кого-нибудь, когда покидали мастерскую?

— Фёдор Карпович был в конторке. Я сказал ему, что уйду. На улице, кажется, никого знакомого.

— После этого направились прямо к Климову.

— Да. И если вы хотите проверить ещё раз, проверяйте. Я даже буду рад.

— Почему?

— Потому что чем точнее станет время, тем меньше у вас останется возможности посадить меня за убийство, которого я не совершал.

— Разумно.

Соболев поднялся.

— Сегодня больше не задержим.

Ведрин удивился.

— Вы даже не спросите, почему я мог захотеть убить его?

— Об этом мы уже говорили. Ваш мотив понятен.

— Звучит неприятно.

— Зато коротко.

На улице Лебедев открыл записную книжку.

— Теперь Ведрин выглядит почти идеально.

— Слишком.

— Опять это слово.

— Какое?

— «Слишком».

Соболев остановился.

— У нас есть человек, который поссорился с Корневым, боялся потерять репутацию, был последним из известных нам людей, державших оружие убийства в руках, и ушёл сердитым.

— Именно.

— Если теперь выяснится, что его время не подтверждается, версия станет очень сильной.

— Да.

— А если подтверждается?

— Тогда всё красивое придётся выбросить.

Лебедев усмехнулся.

— Вам даже немного нравится уничтожать хорошие версии.

— Нравится, когда они погибают раньше невиновных людей.

От мастерской Коренева до лавки Климова они решили пройти пешком.

Обычным шагом дорога заняла около восьми минут.

Лебедев посмотрел на часы.

— Если Ведрин ушёл около семи, всё сходится.

— Слишком приблизительно.

— Значит, нужен человек, который видел его у Климова точно.

Климов встретил их уже без прежней любезности.

— Господа, если вы будете приходить каждый день, мне придётся включить разговоры с Канцелярией в стоимость инструмента.

— Тогда Ведрин окончательно вас возненавидит, — сказал Лебедев.

Климов подумал.

— Он и так считает мои цены преступлением.

— Вот видите, у вас почти профессиональная связь.

Соболев остановил начинавшийся разговор.

— В день убийства, когда Ведрин пришёл за резцами, в лавке был кто-нибудь ещё?

Климов задумался.

— Помощник был. И Пётр Васильевич Мохов.

— Кто это?

— Мастер по замкам. Хороший человек, только разговаривает больше, чем работает.

— Где его найти?

Климов назвал адрес.

Мохов действительно оказался разговорчивым.

Он встретил Соболева и Лебедева почти с удовольствием.

— Раз из Канцелярии пришли, значит, наконец кому-то понадобилось то, что я видел. Обычно люди спрашивают меня только о замках.

— Сегодня тоже почти о замках, — сказал Лебедев. — Только без замка.

Мохов рассмеялся.

— Хорошо. Тогда спрашивайте.

Соболев объяснил, какой вечер его интересует.

— Николая Ведрина помните?

— Конечно. Мы столкнулись в дверях у Климова. Я выходил, он входил.

— Можете приблизительно назвать время?

— Тут как раз могу почти точно. Было без пяти семь или около того. Я опаздывал на Гороховую и посмотрел на часы в лавке.

— Насколько они точные?

— Климов ими торгует, поэтому, надеюсь, хотя бы свои часы держит в порядке.

— Вы сами сверялись?

— У меня были карманные. Разница небольшая, минута или две.

— Значит, около без пяти семь Ведрин уже был у Климова.

— Именно.

— Каким он вам показался?

Мохов пожал плечами.

— Мрачным. Обычно Николай хотя бы здоровается, а тут буркнул что-то и прошёл мимо. Я ещё подумал, что Климов опять поднял цену на сталь.

— Он спешил?

— Скорее был раздражён. Но бежать не бежал, дыхание обычное.

Соболев поблагодарил.

Когда они вышли, Лебедев выглядел задумчиво.

— Если Мохов прав, Ведрин должен был выйти из мастерской Коренева примерно без десяти семь.

— Или несколькими минутами раньше.

— И почти сразу оказался здесь.

— Да.

— У него остаётся совсем мало времени на убийство.

Соболев посмотрел на него.

— Алексей Николаевич, давайте пока забудем о времени.

— Зачем?

— Кто видел Коренева после ухода Ведрина?

Лебедев остановился.

Несколько секунд он молчал.

Потом медленно сказал:

— Илья.

— Именно.

— Сын пришёл значительно позже.

— Дворник видел его входящим.

— А Синицын подтверждает, что отец и сын разговаривали.

— Да.

Лебедев закрыл глаза.

— Получается, мы полдня выясняли, успел ли Ведрин убить Коренева до семи, хотя Коренев совершенно точно разговаривал с сыном позже.

Соболев не ответил.

Лебедев открыл глаза.

— Вы это специально?

— Что?

— Хотите, чтобы я сам понял, насколько глупо выглядит наша версия?

— Наша?

— Хорошо. Моя.

Соболев улыбнулся.

— Не расстраивайтесь. Я тоже слишком долго смотрел на Ведрина.

— Но вы начальник.

— Это не помогает.

— Я надеялся, что помогает.

— Тогда вас ждёт ещё много разочарований.

Они пошли дальше.

Лебедев несколько минут молчал, потом вдруг засмеялся.

— Всё-таки это смешно.

— Немного.

— Мотив, молоток, ссора, репутация. Мы уже почти посадили человека.

— Мы никого не посадили.

— В голове.

— В этом и польза проверки.

— Значит, Ведрин отпадает.

— Как непосредственный убийца — почти наверняка.

— Почему «почти»?

— Потому что я не люблю окончательных выводов до завершения проверки.

— Но Коренев был жив после его ухода.

— Да.

— Тогда всё.

— Тогда всё.

Лебедев удовлетворённо кивнул.

— Спасибо.

— За что?

— Иногда человеку нужно, чтобы начальник просто согласился.

— Не привыкайте.

Они решили пройти до Невского пешком.

На углу Соболев остановился возле небольшой булочной.

— Зайдём.

Лебедев посмотрел на вывеску.

— По делу?

— Нет.

— Это меня радует.

Внутри пахло свежим хлебом, горячим молоком и ванилью.

За прилавком стояла молодая продавщица в белом переднике.

Соболев заказал две ватрушки и кофе.

Лебедев посмотрел на него.

— Вы часто здесь бываете?

— Иногда.

— И молчали?

— Не понимал, что обязан сообщать помощнику о булочных.

— Между нами должно быть доверие.

— В уголовных делах.

— Я считаю хорошую ватрушку вопросом государственной важности.

— Именно поэтому вам пока не дают самостоятельных дел.

Они встали у окна.

На улице ехали сани, мальчишки лепили грязный снег у водосточной трубы, пожилой господин осторожно обходил лужу.

Несколько минут они ели молча.

Лебедев первым нарушил тишину.

— Дмитрий Петрович, а вы вообще часто позволяете себе просто остановиться посреди дня?

Соболев посмотрел на него.

— Сейчас остановился.

— Я вижу. Поэтому и спрашиваю.

— Иногда.

— Без дела?

— Даже без убийства.

— Это неожиданно.

— Ваше представление обо мне становится оскорбительным.

— Наоборот. Расширяется.

Соболев сделал глоток кофе.

— Ещё немного, и вы выясните, что я читаю книги.

— Уже знаю.

— Тогда положение совсем серьёзное.

Лебедев улыбнулся.

Потом неожиданно спросил:

— Вам не жаль Коренева?

Соболев не ответил сразу.

За окном продавец газет что-то выкрикивал прохожим.

— Жаль.

— Вы почти не говорите об этом.

— А что изменится, если буду говорить?

— Ничего.

— Вот поэтому.

Лебедев кивнул.

— Просто иногда кажется, что во время следствия человек постепенно превращается в тело, время смерти, мотив и несколько показаний.

Соболев посмотрел на него внимательнее.

— Поэтому и нужно иногда выходить из мастерской.

— В булочную?

— Например.

— С ватрушкой он снова становится человеком?

— Нет. Но следователь хотя бы вспоминает, что сам ещё человек.

Лебедев некоторое время молчал.

— Это запишу.

— Не надо.

— Почему?

— Потом будете цитировать.

— Хорошая мысль.

— Именно этого я и боюсь.

После булочной они отправились к дому Ильи.

Теперь Соболева интересовало не алиби сына после двадцати минут девятого. Оно уже было подтверждено.

Ему нужно было ещё раз понять конец разговора с отцом.

Илья встретил их спокойнее, чем прежде.

— Я уже начинаю угадывать дни ваших посещений.

— Постараемся не превращать это в семейную традицию, — сказал Соболев.

— О чём сегодня?

— О последних минутах с отцом. Ведрина мы почти вывели из числа непосредственных подозреваемых.

Илья удивился.

— Почему вы говорите мне это?

— Потому что теперь ваши показания о том, что отец был жив после его ухода, подтверждают важную вещь. Хочу понять их точнее.

Илья жестом пригласил их сесть.

— Спрашивайте. Только если опять заставите меня вспоминать каждое слово той ссоры, боюсь, в третий раз я начну придумывать более умные ответы за самого себя.

— Именно этого не нужно. Расскажите, каким отец был, когда вы уходили.

Илья задумался.

— Уже не злым. Скорее усталым от меня. Я тоже устал спорить. Он сел за стол и сказал, что утром мы поговорим ещё раз.

— Он собирался дать вам деньги?

— Не пообещал. Но я был уверен, что даст хотя бы часть.

— Почему?

Илья чуть улыбнулся.

— Потому что знал отца. Он любил сначала объяснить мне, насколько я безнадёжен, а потом всё равно помочь.

— Поэтому вы ушли с надеждой.

— Да.

— Не было ощущения, что разговор окончательно разрушил ваши отношения?

Илья покачал головой.

— Мы с отцом могли сказать друг другу ужасные вещи, а через два дня спокойно обсуждать часы. Так было всю жизнь.

— Он занимался чем-нибудь, когда вы вышли?

— Сел за рабочий стол. Кажется, смотрел бумаги. На краю лежала серебряная коробочка — теперь понимаю, что та самая табакерка.

— Открывал при вас?

— Не помню, чтобы открывал. Я тогда думал не о ней.

— Синицын находился в конторке?

— Видел его, когда выходил.

Соболев кивнул.

Этого было достаточно.

— Ещё одно. Вчера вы говорили, что после мастерской зашли в трактир. Мы проверили, хозяин вас помнит.

— Значит, хоть здесь я не выгляжу лжецом.

— Вы солгали только в первый раз.

Илья усмехнулся.

— Спасибо за утешение.

— Следователи редко умеют утешать.

— Я уже заметил.

У двери Илья остановил Соболева.

— Дмитрий Петрович, можно спросить? Вы правда думаете, что я мог вернуться после трактира и убить отца?

Соболев ответил не сразу.

— Пока такая возможность существует по времени, я обязан её учитывать. Но между возможностью и правдой большая разница.

— Что должно её убрать?

— Ответ на простой вопрос: зачем вам было возвращаться, если вы рассчитывали утром получить деньги.

Илья посмотрел в сторону.

— Именно. Незачем.

— Это хороший аргумент. Но не доказательство.

— Вы всегда оставляете человеку половину надежды?

— Нет. Просто стараюсь не давать целую раньше времени.

Они вышли.

Лебедев сказал уже на лестнице:

— Его мотив тоже становится слабее.

— Да.

— Вчера он выглядел опаснее.

— Потому что мы знали только о ссоре.

— А сегодня знаем, что отец собирался продолжить разговор утром.

— И что Илья ожидал денег.

— Значит, убийство отца было ему невыгодно.

— В этот момент — похоже.

Лебедев вздохнул.

— Если так пойдёт дальше, мы скоро останемся без подозреваемых.

— Это лучше, чем остаться с неправильным.

В Канцелярию они вернулись ближе к четырём.

Соболев положил перед собой рабочий лист.

Расторгуев — алиби подтверждено.

Ведрин — Корнев достоверно жив после его ухода.

Илья — остаётся в проверке, но мотив стал менее однозначным.

Лебедев стоял рядом.

— Хотите кого-нибудь добавить?

— Нет.

— Но тогда список становится совсем коротким.

— Пусть.

— У нас ведь были ещё посетители днём.

— Были.

— Например, женщина, фамилия которой записана в журнале.

Соболев посмотрел на лист.

— Малинина?

— Вера Андреевна. Она приходила около четырёх.

— Зачем?

— В записи указан ремонт музыкальной шкатулки.

— И ушла задолго до вечера.

— Да.

— Значит, пока нет причины делать её подозреваемой.

Лебедев кивнул.

— Просто хотел проверить, не собираемся ли мы начать добавлять людей ради количества.

— Не собираемся.

— Хорошо.

Соболев посмотрел на часы.

— Есть ещё одна вещь.

— Какая?

— Нам известно, что около восьми соседи слышали сильный удар и позже дверь.

— Да.

— Но мы до сих пор не знаем, кто мог прийти к Кореневу после ухода Ильи.

— Потому что дверь была незаперта.

— Верно.

— И войти мог знакомый человек.

— Скорее всего.

Лебедев немного подумал.

— Значит, завтра будем восстанавливать не тех, кто был в мастерской раньше, а тех, кто мог вернуться.

— Именно.

— Ведрин мог вернуться?

— Теоретически нет, его уже видели в другом месте.

— Расторгуев тоже.

— Да.

— Илья?

— По времени мог, хотя смысл пока неясен.

— А кто ещё?

Соболев закрыл папку.

— Вот это и предстоит выяснить.

Вечером он вернулся домой раньше обычного.

Алексей Степанович как раз менял фитиль в лампе.

— Вы опять рано.

— Уже почти семь.

— По вашим меркам — середина дня.

Соболев снял пальто.

— Что на ужин?

Алексей Степанович замер.

— Второй раз за неделю вы спрашиваете сами.

— Привыкайте.

— Не могу. Слишком подозрительно.

— Вы начинаете мыслить как Лебедев.

— Тогда положение действительно серьёзное.

На ужин была телятина с картофелем.

Алексей Степанович рассказал, что кофейная мельница после утреннего ремонта проработала весь день.

— Значит, штифт держится.

— Пока.

Соболев улыбнулся.

— Не говорите Лебедеву.

— Почему?

— Он ненавидит это слово.

После ужина Соболев прошёл в кабинет.

Но папку Коренева открывать не стал.

Снял с полки книгу, которую купил несколько дней назад, сел у лампы и заставил себя прочитать две главы.

На этот раз он даже запомнил, о чём.

Потом отложил книгу и посмотрел на старые часы.

Сегодня расследование потеряло почти идеального подозреваемого.

Ведрин подходил так хорошо, что в какой-то момент хотелось перестать проверять.

Ссора. Репутация. Молоток в руках. Гнев.

Всё лежало рядом, словно детали уже собранного механизма.

Не хватало только одной мелочи.

Коренев продолжал жить после его ухода.

И эта единственная мелочь делала бессмысленным всё остальное.

Соболев подумал, что люди слишком любят завершённые картины.

Увидев несколько подходящих деталей, они торопятся заполнить пустые места сами.

Мотив становится намерением.

Гнев — насилием.

Возможность — поступком.

А подозрение незаметно превращается в уверенность.

Настоящее следствие должно было двигаться в обратную сторону.

Не добавлять то, чего не знаешь.

Убирать то, что не выдержало проверки.

Пусть в конце останется совсем немного.

Но это немного должно быть правдой.

Соболев взял часы и завёл их.

Механизм пошёл ровно. Тик. Тик. Тик.

Он слушал несколько секунд.

Иногда, чтобы починить часы, нужно было найти сломанную деталь.

А иногда — признать, что деталь, которую ты собирался заменить, всё это время была совершенно исправна.

Глава VI. После восьми

«Самое трудное в расследовании — не найти человека, который мог войти. Труднее понять, зачем ему понадобилось возвращаться».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Утро Соболева началось не с убийства, а с пуговицы.

Она оторвалась от жилета именно в тот момент, когда он собирался сесть за стол, упала на пол, покатилась под шкаф и исчезла.

Соболев опустился на колени и заглянул в щель.

Пуговицы не было видно.

— Алексей Степанович, у меня пропала пуговица, и, судя по всему, она решила укрыться под шкафом.

Из столовой отозвался недовольный голос:

— Она не пропала, Дмитрий Петрович. Она упала. Для следователя это удивительно неточная формулировка.

Через несколько секунд Алексей Степанович появился в дверях с салфеткой в руках.

— Показывайте место преступления.

— Под шкафом.

— И вы не смогли достать её сами?

— Если бы смог, не звал бы вас.

Алексей Степанович посмотрел сначала на Соболева, затем на шкаф.

— Двадцать два года государственной службы, а в критический момент человек побеж-
дён пуговицей.

— Я предпочитаю считать это временным отступлением.

Алексей Степанович принёс длинную деревянную линейку, провёл ею под шкафом, и через несколько секунд пуговица выкатилась обратно.

Соболев поднял её с пола.

— Благодарю.

— Всегда пожалуйста. Убийства расследуйте сами, а сложные дела вроде пуговиц остав-
ляйте мне.

— Разумное распределение обязанностей.

Соболев подошёл к зеркалу.

— Пришить сможете?

Алексей Степанович возмущённо посмотрел на него.

— Вы сейчас серьёзно спрашиваете меня об этом?

— Вполне. Теоретически я умею, но результат может оказаться опаснее самой потери.

— Вот это уже звучит честно.

Через пять минут пуговица была на месте.

Соболев застегнул жилет и посмотрел на себя в зеркало.

— Она немного выше остальных.

— Значит, теперь у вас есть индивидуальность.

— Можно было пришить ровнее.

— Можно было не отрывать.

Соболев улыбнулся.

На столе уже ждал кофе.

За завтраком он думал о вчерашнем результате.

Расторгуев имел твёрдое алиби.

Ведрин почти отпал как непосредственный убийца.

Мотив Ильи становился слабее, чем казалось сначала.

Оставался простой вопрос: кто мог оказаться рядом с Корневым после того, как сын ушёл?

Лебедев накануне предложил проверить всех посетителей дня. Соболев сначала отнёсся к этой мысли без особого энтузиазма. Теперь она казалась разумной.

Не потому, что среди дневных клиентов обязательно скрывался убийца.

Но Корнев мог попросить кого-нибудь вернуться вечером.

И если это произошло, не было смысла сразу придумывать загадочного незнакомца.

В Канцелярии Лебедев уже был.

На его столе лежала копия журнала посетителей мастерской.

— Я решил немного поработать без вас, Дмитрий Петрович. Пока, как видите, Канцелярия стоит на месте.

— Это уже хороший результат. Что нашли?

Лебедев подвинул к нему лист.

— В день убийства у Коренева побывали семь человек. Ведрин, Расторгуев, Илья, Вера Андреевна Малинина и ещё трое обычных заказчиков. Двое забирали часы, один принёс настенные.

— С теми тремя уже связались?

— По одному я отправил человека, адреса остальных нашлись в книге заказов. Ничего интересного пока нет, но я подумал, что лучше проверить всех по порядку, чем потом возвращаться.

Соболев посмотрел на него.

— Хорошо.

Лебедев явно ожидал продолжения.

— И всё?

— А чего вы хотите?

— Не знаю. Может быть, ещё одну фразу о моей инициативе.

— Она пока не привела к катастрофе. Для первого раза это достойно.

— С каждым днём ваши похвалы становятся теплее.

— Не привыкайте.

Соболев взял журнал.

Имя Веры Андреевны Малининой стояло около четырёх часов дня.

«Музыкальная шкатулка. Получено после ремонта».

— Она только забрала вещь?

— По журналу — да. Но пробыла почти полчаса. Посыльный вспомнил, что пришёл с заказом, пока она ещё разговаривала с Кореневым.

— Тогда начнём с неё. Не потому, что она подозреваемая, а потому что задержалась дольше обычного и могла что-то услышать.

Лебедев кивнул.

— А остальных проверим потом, если потребуется.

— Именно. Не будем превращать семь посетителей в семь преступников только ради полноты картины.

Вера Андреевна Малинина жила с матерью на Фонтанке.

Квартира была небольшая, тёплая и очень аккуратная. На подоконнике цвела герань, в углу стояло старое фортепиано, на стенах висели семейные фотографии.

Сама Вера Андреевна оказалась женщиной около тридцати пяти лет, с мягким лицом и внимательными серыми глазами.

Она заметно встревожилась, когда Соболев представился.

— Это из-за Матвея Савельевича?

— Да. Вы были у него в день смерти, поэтому я хотел бы восстановить ваш разговор. Не только по делу, но и то, каким он вам казался.

Она пригласила их войти.

— Мама отдыхает, так что лучше говорить здесь.

Соболев сел ближе к окну.

Лебедев устроился сбоку и пока не стал открывать записную книжку.

— Вы давно знали Коренева?

— Очень давно. Ещё мой отец приносил ему часы, а потом и я стала обращаться сама. Матвей Савельевич знал нашу семью много лет.

— В тот день вы забирали музыкальную шкатулку?

Вера Андреевна улыбнулась.

— Старую и капризную. Матвей Савельевич говорил, что она играет только тогда, когда сама считает нужным.

— И всё-таки починил?

— Конечно. Он всегда чинил.

— В журнале видно, что вы пробыли у него около получаса. Для простой выдачи заказа это довольно долго.

— Потому что мы разговаривали. Сначала о шкатулке, потом о моей матери. Он всегда спрашивал о её здоровье.

— Значит, визит был не только деловым.

— Да. Скорее дружеским.

— Кто-нибудь ещё появлялся в мастерской, пока вы были там?

Вера Андреевна задумалась.

— Один высокий мужчина заходил ненадолго. Я его не знаю, но Матвей Савельевич назвал его по имени и отчеству. Кажется, Николай Осипович.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Похоже на Ведрина.

— Вероятно, — сказал Соболев. — Вы помните, о чём они говорили?

— О какой-то старой вещи. Я не прислушивалась, но разговор был неприятный.

— Табакерка уже лежала на столе?

Она подумала.

— Да, кажется, именно тогда я впервые её заметила. Серебряная коробочка, красивая, но какая-то странная.

— Почему странная?

— Наверное, потому что Матвей Савельевич относился к ней без всякой симпатии. Я спросила, что это такое, и он сказал: «Плохая история в хорошем серебре».

Соболев чуть приподнял брови.

— Эту фразу вы хорошо запомнили?

— Очень. Она показалась мне необычной.

— Он объяснил, что имел в виду?

— Только немного. Сказал, что вещь сама по себе ни в чём не виновата, но вокруг неё люди слишком много думают о деньгах и слишком мало о том, что можно делать, а чего нельзя.

— Имен он не называл?

— Нет. По крайней мере, при мне.

— Корнев выглядел обеспокоенным?

Вера Андреевна задумалась.

— Скорее раздражённым. Но точно не напуганным. Матвея Савельевича вообще трудно было представить испуганным.

— Он говорил, что собирается задержаться вечером?

— Да. Я даже спросила, зачем ему сидеть в мастерской допоздна, если утром всё равно возвращаться. Он ответил, что хочет закончить несколько дел, пока никто не мешает.

— Он упомянул, что ждёт кого-то позже?

— Нет. Если и ждал, мне не говорил.

Соболев кивнул.

— А табакерку он при вас открывал?

На лице Веры Андреевны появилась почти детская улыбка.

— Вот это как раз я запомнила отлично. Я спросила, что внутри, а он сначала сказал, что лучше не знать. Потом всё-таки нажал на механизм. Крышка открылась, и оттуда выскочил маленький чёртик. Я вздрогнула так, что он впервые за весь разговор рассмеялся.

Лебедев улыбнулся.

— Значит, днём механизм работал исправно.

— Работал слишком хорошо, если спросите меня.

— А Коренев что-нибудь сказал после этого?

Она задумалась.

— Сказал, что люди всегда пугаются чёрта, хотя опаснее обычно тот, кто держит коробку.

Соболев на секунду замер.

Фраза была слишком хороша.

Настолько, что почти просилась стать ключом ко всему делу.

Именно поэтому он решил не делать из неё ничего больше, чем воспоминание пожилого мастера.

— Матвей Савельевич любил такие замечания?

Вера Андреевна улыбнулась.

— Очень. Иногда казалось, он чинит половину вещей только для того, чтобы потом что-нибудь сказать о людях.

Разговор постепенно перестал быть допросом.

Вера Андреевна вспомнила, как Коренев однажды три недели ремонтировал её настольные часы, а потом отказался брать деньги, потому что работа заняла дольше, чем обещал.

— Он действительно сделал что-то неправильно?

— Нет. Просто считал, что если не уложился в срок, то не имеет права брать всю сумму.

Лебедев заметил:

— Строгий человек.

— Прежде всего к себе. Поэтому и другим рядом с ним было непросто.

Соболев кивнул.

— Спасибо, Вера Андреевна. Вы действительно помогли.

— Чем именно?

— Подтвердили, что днём табакерка работала нормально. И ещё важнее — показали, каким Коренев был за несколько часов до смерти. Не человеком, который чего-то боялся, а мастером, раздражённым спором и занятым работой.

— Это важно?

— Иногда настроение человека перед смертью говорит не меньше, чем вещи вокруг него.

На лестнице Лебедев сказал:

— Она совсем не похожа на убийцу.

Соболев посмотрел на него.

— Это по-прежнему не критерий.

— Я знаю. Просто если мы начнём подозревать каждого спокойного человека, придётся арестовать половину Петербурга.

— А вторую половину — за нервозность. Поэтому лучше всё-таки пользоваться фактами.

Лебедев улыбнулся.

На улице было солнечно и холодно.

Некоторое время они шли молча.

— Вам понравилась фраза Коренева? — спросил Лебедев.

— Слишком.

— И потому вы ей не доверяете?

— Я доверяю тому, что он мог её сказать. Но не собираюсь превращать покойного в человека, который заранее оставил нам красивую подсказку.

— В книгах такое бывает.

— Вот именно поэтому в жизни к таким вещам нужно относиться осторожнее.

— Жаль.

— Вам — возможно.

Они быстро проверили остальных дневных посетителей.

Отставной чиновник Павел Алексеевич Рогов забрал карманные часы около двух и вечером находился дома с родственниками.

Купец Крылов принёс настенные часы, но даже не разговаривал с Кореневым лично — заказ принял Синицын в конторке.

Третий посетитель после обеда отправился в клуб, где его видели многие.

Ни один из них не возвращался в мастерскую вечером.

Через два часа Соболев закрыл список.

— На этом всё.

Лебедев выглядел слегка разочарованным.

— Получается, загадочного клиента не нашлось.

— Это хорошая новость.

— Для кого?

— Для нас. Значит, не придётся придумывать нового человека только потому, что старые версии начали ослабевать.

— Вы прямо боретесь с количеством подозреваемых.

— Это полезная привычка.

— А я уже начал скучать по неизвестному мужчине в тёмном пальто.

— Вам вредят детективные романы.

Они решили пройти несколько кварталов пешком.

У Невского Соболев неожиданно остановился возле магазина письменных принадлежностей.

— Мне нужен карандаш.

Лебедев посмотрел на него.

— В Канцелярии их десятки.

— Они плохие.

— Вы разбираетесь ещё и в карандашах?

— В отличие от вас я не пытаюсь ими продавливать бумагу до следующей страницы.

Лебедев вынул свой карандаш, посмотрел на него и снова убрал.

— Возможно, в этом что-то есть.

Соболев взглянул на него.

— Я запомню этот день.

В магазине Соболев долго выбирал между двумя сортами.

Лебедев терпеливо ждал.

— Это сложнее убийства?

— Иногда. У убийства хотя бы есть один правильный ответ.

— А у карандаша?

— Пока два.

Продавец едва скрывал улыбку.

В итоге Соболев купил сразу шесть.

На улице Лебедев сказал:

— Вы пришли за одним.

— Была скидка.

— Расторгуев был бы вами доволен.

— Вот поэтому не рассказывайте.

Когда они вернулись в Канцелярию, на столе лежала короткая записка от участка. Дворник дома Коренева вспомнил, что незадолго до восьми видел мужчину, выходявшего из общего подъезда.

Описание было самое обычное: тёмное пальто, шляпа, средний рост.

Лебедев прочитал записку.

— Вот теперь всё-таки появился неизвестный мужчина.

— Не спешите. Он мог выйти не из мастерской, а из любой квартиры выше.

— Но время подходящее.

— Именно поэтому поговорим с дворником сами, а не будем превращать одну строчку в нового подозреваемого.

Дворника звали Егор Тихонович.

Он помнил вечер не очень хорошо и сразу предупредил об этом.

— Я тогда ждал сменщика, который должен был прийти к восьми, а он опаздывал. Поэтому и запомнил, что человек вышел примерно в это время.

— То есть вы не смотрели на часы именно в момент его выхода?

— Нет. Я просто уже начал злиться, что сменщика нет.

— Человек появился до сменщика?

— Минут за пять, может чуть больше.

— Значит, это могло быть и без пяти восемь, и без десяти?

— Примерно так.

— Из какой двери он вышел?

— Из общего подъезда.

— То есть вы не можете утверждать, что именно из мастерской.

— Не могу. Там ещё жильцы сверху ходят.

— Лицо вы разглядели?

— Нет. Шёл обычным шагом, повернул к набережной. Я на него особенно и не смотрел.

Соболев поблагодарил.

Когда отошли, Лебедев сказал:

— Наш неизвестный прожил недолго.

— И хорошо.

— Хотя теоретически он всё ещё мог выйти из мастерской.

— Мог. Но пока это одна из нескольких равных возможностей. Не больше.

— Значит, ничего не добавляем.

— Именно.

В мастерскую они вернулись ближе к четырём.

Синицын сидел в конторке и записывал новый заказ. Перед ним стоял молодой человек с массивными настенными часами.

— Оставляйте, — говорил он. — Только быстро не обещаю. Сейчас мастерская работает вполсилы, а сложные вещи приходится откладывать.

— Кто будет чинить?

— Николай Осипович иногда помогает. По простым заказам найдём мастера.

Когда клиент ушёл, Синицын поднял глаза.

— Добрый день, Дмитрий Петрович. Снова что-то нужно уточнить?

— Совсем немного. Мы ненадолго.

Соболев прошёл во внутреннюю комнату.

Синицына за собой не позвал.

Лебедев заметил это, но ничего не сказал.

На рабочем столе лежала табакерка.

Соболев некоторое время смотрел на неё.

— Днём она работала нормально, — сказал Лебедев. — Малинина видела.

— Значит, по крайней мере, к четырём часам механизм был исправен.

— А утром после убийства уже нет.

— Это ещё не означает, что кто-то его специально испортил. Такие вещи могли заклинить и сами.

— Ведрин говорил, что механизм капризный.

— Поэтому пока не делаем отдельную тайну из каждой пружины.

Соболев осторожно поставил табакерку обратно и отошёл от стола.

— Давайте на минуту вообще уберём её из дела, Алексей Николаевич. Представим, что никакого чёрта нет и перед нами самый обычный вечер в мастерской.

Лебедев задумался.

— Тогда последовательность выглядит проще. Илья ушёл примерно без четверти восемь, отец после этого точно оставался жив, а сам сын почти сразу появился в трактире. Значит, если он и возвращался, нам ещё нужно понять зачем.

— Именно. А затем, около восьми, соседи слышат сильный удар. Не долгую борьбу и не крики, а один отчётливый звук. После этого кто-то, возможно, вышел из мастерской.

Лебедев посмотрел в сторону наружной двери.

— Если свидетель не ошибся, получается очень короткая сцена. Коренев либо остался один, либо впустил знакомого человека. Они разговаривали, что-то произошло, и один удар всё закончил.

— Вот такой схемы пока достаточно. Она ничего не доказывает, зато не требует от нас придумывать лишнее. Сначала нужно установить, когда Коренев действительно остался один. Только потом спрашивать, кто мог появиться в последние минуты.

Лебедев снова посмотрел на табакерку.

— А она пока остаётся просто вещью на столе.

— И пусть остаётся. Она слишком выразительная и поэтому всё время просит больше внимания, чем заслужила.

В дверях появился Сеницын.

— Дмитрий Петрович, если вам что-нибудь понадобится, я буду в конторке. Там снова пришёл клиент.

— Конечно, Фёдор Карпович. Не отвлекайтесь от работы.

Когда он ушёл, Лебедев сказал:

— Значит, завтра восстанавливаем последние двадцать минут.

— Не по одному человеку. По всей последовательности. Когда ушёл Илья, когда закончил работу Сеницын, что делал Коренев, оставалась ли дверь открытой.

— И только после этого решаем, кого ставить в центр.

— Именно.

— Мне нравится.

— Не увлекайтесь.

Они вышли из мастерской уже в сумерках.

Соболев предложил пройти до набережной.

Лебедев не стал спрашивать зачем.

— Наконец-то прогресс, — заметил Соболев.

— В чём?

— Вы просто пошли.

— Я учусь доверять странным решениям начальства.

— Это уже опаснее.

У Невы они остановились у парапета.

Ветер был холодным, но почти без снега. На другом берегу зажигались окна.

Некоторое время оба молчали.

Лебедев первым нарушил тишину.

— Вам не кажется, что мы почти убрали всех удобных подозреваемых?

— Кажется.

— И это вас совсем не тревожит?

— Наоборот. Удобный подозреваемый опасен тем, что очень быстро начинает казаться правильным.

— А когда их нет, на кого смотреть?

— На факты.

— Это значительно менее интересно.

— Зато безопаснее.

Лебедев улыбнулся.

— Когда вы начинали службу, тоже выбирали человека раньше, чем понимали дело?

Соболев немного подумал.

— Конечно. И много раз потом тратил время не на поиск истины, а на защиту собственной первой версии.

— Часто ошибались?

— Достаточно, чтобы научиться этого стыдиться.

— Это утешает.

— Не понимаю почему.

— Значит, надежда всё-таки есть и у меня.

Соболев посмотрел на него.

— Я сказал только, что теперь ошибаюсь реже.

— Вот вы умеете испортить хорошую мысль.

— Это тоже опыт.

Они постояли ещё немного.

Разговор о расследовании закончился сам собой.

Соболев смотрел на тёмную воду.

Лебедев — на фонари другого берега.

В такие минуты становилось легче помнить, что вокруг существует обычный город.

Люди возвращаются домой.

Кто-то ужинает.

Кто-то ругается из-за денег.

Кто-то покупает карандаши.

Кто-то чинит кофейную мельницу.

И только несколько человек продолжают жить внутри чужой смерти.

Если слишком долго смотреть только на преступление, подумал Соболев, постепенно начинаешь видеть мотив во всём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.